

ДМИТРИЙ
ЦЕСЕЛЬЧУК

Серия «Поэтоград» основана в 2012 году
Союзом писателей XXI века и Союзом литераторов России

книга первая

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

***В РАЙ КАК ПРЕЖДЕ
ОТКРЫТА КАЛИТКА...***

Стихи, эссе, диалоги, поэмы, воспоминания

Москва
«Вест-Консалтинг»
2012

ББК 84(2РОС = РУС)

ЦЕСЕЛЬЧУК Дмитрий Юрьевич

В РАЙ КАК ПРЕЖДЕ ОТКРЫТА КАЛИТКА... — Стихи, эссе, диалоги, поэмы, воспоминания. 1969—2012 гг. Составитель Нина Давыдова — Серия ПОЭТОГРАД. Книга первая. — М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 148 стр.

ISBN 5-86676-082-7

Евгений В. Харитонов в предисловии к книге подытоживает, что поэзия Д. Цесельчука «узнаваема, легко вычленима из стихотворной многослойной стены. Его поэзия тиха и философична. Она груба, бесстыжа, эротична до эпатажности. Иногда легкомысленна и простовата, ничуть не стыдясь этой своей простоты. И всё-таки чаще задумчива, неспешна, медитативна. Особенно в стихах последних лет. Ему уже нет необходимости потрясать основы. Он ведёт с читателем тихий разговор о Главном».

А что Главное? У каждого – своё? Для автора книги Главным является всё, что происходит вокруг, выстраивание своей линии жизни, а, значит, и творчества: «Бог с ним, с признанием, – / были бы строки / те, за которые хоть на расстрел. / Неба покоится купол высокий, / как на плечах, в бескорыстии дел».

Главное – это и Учителя, как Элизбар Ананиашвили, это и авторы, стихи которых он переводил, это и Со-беседники, как Иосиф Бродский и друзья-поэты: «Мы за ценой не постоим, приятель, / Всех благ дороже в жизни private life, / В ней я наедине с тобой, Создатель, / А быть наедине – вот это кайф».

О любви, жизни и смерти непрекращающийся разговор, – со всем Миром, со Вселенной; автор испытывает необходимость в диалоге, даже там, где это не представляется возможным: «...сколько ещё мне / видеть Медведицы ковш / жизнь уйдет ну а с ней / смерти уйдет ложь / месяца светел рог / прямо над головой / есть ли над нами Бог? / есть ли там кто живой?».

Книга состоит из 4-х циклов: PRIVATE LIFE; ЧТО БУДЕТ ЗАВТА? – ОСЕНЬ; ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬДОГ и ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ. В основном это стихи и поэмы, не вошедшие в предыдущие книги автора. А также эссе, диалоги, воспоминания. Книга содержит алфавитно-хронологический указатель произведений, написанных с 1969 по 2012 гг.

© Цесельчук Д. Ю., стихи, поэмы, воспоминания, диалоги, эссе, 2012

© Харитонов Е. В., предисловие, 2012

© Давыдова Н. В., составление, 2012

© «Вест-Консалтинг» оригинал-макет, вёрстка, 2012

ЗАМЕТКИ КАРАНДАШОМ НА ПОЛЯХ

Я люблю стихи русского поэта Дмитрия Цесельчука.

Есть поэты, которых необходимо распробовать, прежде чем принять, полюбить.

В случае с поэзией Д. Ю. Цесельчука – это была любовь с первой прочитанной строфы. Я человек очень книжный, поэтому и стихи люблю слушать глазами. Ухо может обмануть и обмануться (иные стихоговорцы так умело голосом выпевают строки, что за интонациями и не услышишь фальши поэтической).

Глаза – никогда.

Кажется, это была поэма.

«Август 96».

Или «Исход».

Но схватило сразу.

Поэзия Дмитрия Юрьевича узнаваема, легко вычленима из стихотворной многослойной стены.

Его поэзия тиха и философична.

Она груба, бесстыжа, эротична до эпатажности.

Иногда легкомысленна и простовата, ничуть не стыдясь этой своей простоты.

И всё-таки чаще задумчива, неспешна, медитативна. Особенно в стихах последних лет. Ему уже нет необходимости потрясать основы. Он ведёт с читателем тихий разговор о Главном.

Да, он разный и разнообразный. Твердо держась классической традиции, он не боится её нарушать, выходить «за формат».

Нарушает легко и ненавязчиво. Виртуозно. Однако, смешивая темы, формы, жанры, смыслы, ему удаётся сохранить главное – достояние Поэта – неподдельность, искренность, версификационный профессионализм.

Что важно: жанровое и формальное многоцветье у него образует не каким-то там чудесным, удивительным образом, а очень просто – гармонично и непротиворечиво.

Каждая книга Дмитрия Цесельчука – непрерывный фотомонтаж: люди, события, воспоминания, места... Так, кстати, «Непрерывный фотомонтаж», называлась одна из лучших книг поэта. Новая книга ещё более коллажиста, это мозаика из текстовых лоскутов – стихи, эссе, статьи, воспоминания. Они, чередуясь, проходят перед взором читателя стоп-кадрами.

Статьи о литературе, о послевоенной, современной русской литературной истории, активным участником, делателем которой Дмитрий Цесельчук является уже более сорока лет.

Эти статьи увлекательны, интересны и полезны.

Чередой имён – известных, знаковых и не очень. В стихах и статьях.

Цесельчук щедр на посвящения и на похвалы.

Редкое свойство для литератора.

Непрерывный фотомонтаж.

Тексты-лоскуты.

«Когда б вы знали, из какого сора...».

Кажется, у него не бывает выброшенных черновиков. В одной книжной тетрадке могут оказаться мощнейшие философские поэмы и, казалось бы, совершенно необязательные шуточные, иногда хулиганские двустроки и четверостишия. Но это у графомана – необязательные. А Цесельчук – Поэт. Для него каждая созданная строка – это поэтический акт.

Цесельчук-поэт очень внимателен к мелочам, деталям. Фактом Поэзии может стать любой, даже самый мимолётный, фрагмент жизни. Для него не существует проходных моментов жизни. Каждый факт недолгой человеческой биографии, каждая встреча, каждый человек – значим.

Наверное, об этом его новая книга.

Читаю её и перечитываю, убеждаясь: да, об этом.

Не бывает в жизни неважных, незначимых моментов. Она слишком коротка, чтобы можно было запросто вычёркивать из неё черновики дней, людей, слов.

Каждая минута нашего недолго существования наполнена Самыми-Главными-Событиями.

А может, я и не прав. Может, я до отвращения пафосен и слеп. И книжка совсем о другом.

Но я её прочитал ТАК.

Пусть у каждого будет свой Цесельчук.

Мой Цесельчук – такой. Жадный и нежный к жизни и людям.

Вы заметили? Я ни разу не процитировал стихов поэта!

Ну, так это и не спойлер. И не рецензия. Это просто пометы на полях прекрасного сборника.

А стихи внутри. Вы уж как-нибудь сами, без меня.

Евгений В. ХАРИТОНОВ

PRIVATE LIFE

* * *

Я слышу как плещется рыба в реке.
Гляжу на закат. Обжигает sake
Морозного стихотворенья
И рифм подо льдом шевеленье.

ДВОРНИК

Невероятное лето.
Можно передохнуть,
Вытянув из куплета
Всю нехитрую суть.

Жили-были, сгорая
Ради мечты дотла.
У врат иногорая
Чисто метет метла.

Кто ты, проворный Дворник, –
На голове – картуз,
Давеча – чтец и затворник,
Нынче – козырный туз.

Вон как сияет бляха
Медная на груди,
Сжата ремнём рубаха,
Складки, что бигуди.

На сапогах глянец
Испепеляет взгляд.
Ты же не иностранец, –
В лыку весь твой наряд.

Лондонского гвардейца
Напоминаешь ты.
Жить – нехитрое дельце –
У роковой черты.

Главное, не ославить
Весь твой суперпарад,
Нужное слово вставить
В текст, что, как виноград,

Волей лозы вьётся
И поднимает ввысь
Тех, кто охоч до солнца,
А остальные – брысь.

А остальным Роком
Выдан иной расклад.
Клёво метлы богом
Быть... Ты этому рад.

ЗАИМКА

*Кладбищенской земляники
Вкуснее и слаще нет...*

.....
*Идёшь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.*

.....
*Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись!*

Марина Цветаева

– Кладбищенских грибов не надо брать, –
об этом ли мой стих о землянике?..

Нетронута среди крестов их рать,
будто пришла под Новгород Великий.

А в церковке звонят колокола,
и Дух Грибной среди могил маячит...

Под ними в три ряда лежат тела –
и павших только вьюга и оплачет.

Прохожий, – я молю, – остановись,
свой взор обороти от шляпок к небу

и в синеву пронзительно взглядишь –
туда, где ты ещё ни разу не был!

Болярыней новопреставленной
я тут себе местечко приглядела...

Лежит под безымянною сосной
моё покинутое в одночасье тело.

Возможно, что его давно уж нет,
но над Окою в бронзе я отлита...

И вот тебе последний мой ответ, –
не будь, как я – печально знаменитой.

И только, если на меня похож, –
ведь я тогда Тебя в виду имела, –

будь в эти вышние чертоги вхож,
когда черёд придёт – шагни в них смело...

У ягодника ли, у грибника,
есть на погосте тайная заимка...

Кладбищенская ягода сладка –
узнаешь лишь к исходу поединка.

PRIVATE LIFE*

Увы, я не был в сумасшедшем доме,
И на Гавайях тоже не бывал,
В еврейском не участвовал погроме,
И не тащил девиц на сеновал,

Я, русский мещанин, чем горд был Пушкин,
Имею к жизни частный интерес.
Поддав, мне наподдал сосед Кукушкин,
Хотя, увы, Кукушкин – не Дантес.

Но для меня не главное – безвестность,
Я не сую во все тусовки нос.
Неправда, что наивность или честность
Не продаются – это не вопрос.

Мы за ценой не постоим, приятель,
Всех благ дороже в жизни private life,
В ней я наедине с тобой, Создатель,
А быть наедине – вот это кайф.

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мы на урок литературы
под парту брали детективы,
чураясь вековой культуры.
Нас вразумить –
 свой шанс счастливый
лови, настырная училка:
Гагарин в космос на ракете
взлетел – и мы воспели пылко
его полёт.

 Но в стенгазете
своей не обнаружив оды,

* частная жизнь (англ.).

отдал виршеплетенью годы –
учительница объяснила:
– Стишок твой не попал в десятку.
...Но в нём была такая сила,
что, от стыда разбившись всмятку,
я, как боксёр, валтузил грушу
поэзии и, наизнанку
вывёртываясь, отдал душу
за рифм бессмертную обманку.
Нет ничего важнее в мире
гармонии стихосложения,
но кто б склонил балбеса к лире,
когда б не опыт пораженья?
Стишок мой не попал в десятку,
но юность не прошла впустую –
как шпагу, в пальцах сжав тетрадку,
своей училке салютую.

ЗИГЗАГИ

ФИЗИК ИЛИ ЛИРИК?

Всё время учился. Две мои первые школы были в арбатских переулках, потом две школы на Ленинском проспекте, одна из них, она же и последняя – знаменитая 4-я английская спецшкола, а параллельно ещё учился в физико-математической школе при МГУ, созданной академиком И. К. Кикоиным. А потом – прямой путь на физфак МГУ. Казалось, с профессией я определился – физик. Но не тут-то было.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ»

На физфаке студентами Борей Шапиро и Володей Герциком создаётся неформальное поэтическое общество «Кленовый лист». Почему именно такое название, не знаю, правда, сейчас приходят на память строки Анны Ахматовой:

*Под крышей промёрзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья апостолов я,
Слова псалмиста читаю.
Но звёзды синюют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.*

Выпускали поэтическую газету «Эврика», устраивали фестивали поэзии, мечтали о поэтическом театре. В те же годы, с самыми близкими, стали издавать рукописный литературный журнал «Зигзаг» по инициативе школьного ещё друга и однокурсника Сергея Алимарина, но, как мы почти сразу и почувствовали, «самиздат» оказался небезопасен. В 1966 году, несмотря на «оттепель», литобъединение было разогнано.

ЛИТО «СПЕКТР»

Из родного лито при МГУ я «перекочевал», продолжая учиться на физфаке, в скромный МИХМ (Московский институт химического машиностроения), в другое литературное объединение «Спектр». Привёл меня поэт Володя Рубцов, сосед по даче в подмосковной Купавне. В отличие от СМОГа (Самого Молодого Общества Гениев), наименование «Спектр» никак не расшифровывалось. Членские билеты в те годы, в отличие от Союза писателей, в литературных объединениях не выдавались. Списки участников довольно условны, но был более или менее постоянный круг литераторов и литературной молодёжи.

Помню, как в 1972-ом провожал Илью Бокштейна в Штаты. Шли по вечерней московской улочке: – Илья, а правда, пила – дребеззит? – «жж» – лишнее?!.. Задумывается ненадолго: – Нет, пила – дзенькает... В 1982-м, когда уже 10 лет прошло с отъезда Ильи, мы с женой стали придумать имя для младшего сына, который вот-вот должен был явиться на свет, – сошлись на – Илье, я тогда вспомнил и об уехавшем Бокштейне... До сих пор звучат во мне его строчки:

*Если б знали мы пути,
было б некуда идти».*

Или:

*Если прислушаться,
Балка обрушится...».*

И это у него называлось «Тишиной»? Горбатый, маленький – метр с кепкой – Илья Бокштейн и – большой, пролетарсколикий Володя Головин, входят вместе на занятие «Спектра»: – Я – князь! А они меня сзади ломиком по башке!.. Но находили общий язык. И даже нравились друг другу. Осталось в памяти, как смеялся Илья, слушая рассказ Головина о посещении им проститутки: – Она у меня ночью бумажник из кармана вытащила, а я утром бюст Пушкина со стола взял и – в карман... Вполне равноценная замена.

В «Спектр» приходили иногда и из других лито, например, из «Магистрали», приходили и смогисты. У каждого литсообщества был свой колорит, даже свой почерк в общении. К незнакомым сначала относились настороженно: вдруг, стукач? Собирались и на квартирах, и на дачах, несмотря на немалое количество вина и малое количество закусок, главным, najważнейшим были стихи. Как живая фотография, запечатлелась в памяти картинка из тех лет: Лёня Губанов на подоконнике, точнее, за подоконником квартиры Лёши Пахомова (в СМОГ входил Аркадий Пахомов), точнее, даже не Губанов, а его ботинки и икры, за которые держали страждущие стихов читатели. Всё тело было уже там – за пределами проёма. Слава Богу, квартира – на первом этаже, – помню, подумал, – сломать шею, если ноги выскользнут, пара пустяков. Когда Лёню затащили обратно и пристроили на полу под подоконником, так что он сидел, не съезжая, опираясь спиной о стену, рот его вдруг медленно, но вполне членораздельно выплюнул: – Я чек на Ваш череп...

К этому времени многие «болели Губановым», поэтом свободного речевого потока. А я – в особо тяжёлой форме. Пожалуй, тяжелее, чем в иные времена Хлебниковым, не говоря уж о Пастернаке и Ахматовой. От великого смогиста спасли Юлия Дубровкина, Бокштейн и ранний Головин, ещё не переплывавший с мешком редиски, набранным на колхозном поле, Москву-реку, чтобы торговать-раздавать её у входа в метро, это случится с ним через много лет, в годы Перестройки...

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА, ОНА ЖЕ ЮЛИЯ ДУБРОВКИНА

Возвращаясь к «Спектру», вспоминаю, что не только, и даже не столько занятия были мне интересны, как новые знакомства: например, с Юлией Дубровкиной и её мужем Яковом Хромченко. Мы приезжали к ним после официальных занятий лито. Часто, читая стихи друг другу, засиживались до утра, так как метро по ночам не ходило, а такси было не по карману. Стихов своих хозяин нам не читал, но как-то от имени Николая Пруткина прочёл пародии на поэтов «Спектра».

Юлия Дубровкина окончила сценарный факультет ВГИКа и писала сценарии для кино, телевидения, занималась журналистикой. Но аресты друзей, неприятие её стихов издателями породили чувство страха, желание вырваться из атмосферы несвободы.

Тогда-то, в 1973 году, они с мужем и десятилетней дочкой уехали в Израиль. Чтобы не навредить оставшимся в Союзе родным, Юля взяла псевдоним Лия Владимирова.

Осенью 1992 года, в один из приездов Юлии и Якова в Москву, в Музее Маяковского Союз литераторов провёл встречу двух легендарных московских объединений: «Спектра» и СМОГа. От «Спектра» выступали: Ефим Друц, Лия Владимирова и я. СМОГ представлял Юрий Кублановский (вернувшийся уже из иммиграции), Аркадий Пахомов и Владимир Бережков. Помню, как Кублановский и Пахомов, по-отдельности, подходили ко мне и расспрашивали про Бережкова, но я объяснил им, что перед ними друг Губанова, автор музыки и исполнитель «Серого коня». Выходило, что не каждый смогист знал в лицо другого – могли и не «пересекаться», да и лет уже с тех пор прошло немало...

В декабре 1992-го от Юли с Яшей пришёл конверт, в который была вложена фотография сцены в Музее с ностальгическим посланием на обороте: «...Давайте мысленно выпьем вместе: а) за русских поэтов-эмигрантов, живущих в Израиле, – чтобы в Москве выходили их книги, а московские журналы печатали их стихи; б) за ваши успехи; в) за новую встречу в Москве. <...> Мы – я, во всяком случае, грущу, что у нас тут не растут ёлки и нет ни снега, ни морозца. Но бывают исключения. В прошлую зиму в Назарете, где мы провели 3 дня на литературном семи-

наре, шёл обильный, тишайший, густой, голубой и белый снег. Был снегопад. Мы шли по аллее, покрытой первым снегом, и сверху падали всамделишные хлопья снега. Розы клонились под тяжестью снега, зелёная зимняя травка была пересыпана снегом. Чудеса, да и только <...>.

На сборнике Лии Владимировой «Стихотворения», вышедшем в Израиле в 1988 году, рукою Юли написано: *Дорогому Диме с любовью и нежностью и памятью о дружбе нашей в Москве, о частых встречах у меня дома, на улице Верхней. Юля. Москва, 23 июля 1991 года.*

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА

Общение и «взаимообогащение» не исчерпывалось «посиделками у Юли». В начале 70-х в «Спектре» возникла Инициативная группа. Возможно, нас, «инициативщиков», стала тяготить излишняя авторитарность руководителя или захотелось более частых и конструктивных обсуждений. Возможно, «Спектр» чрезмерно разросся (непосредственно перед «разгоном» численность его доходила до 250 человек), и не хватало времени на каждого, да и обсуждения стали редки. Инициативная группа, которую составили поэты Александр Сыров, Владимир Рубцов, Наталья Сидорина, Дмитрий Цесельчук и фантаст-прозаик Геннадий Вальдберг, стала собираться «параллельно». Руководителем группы избрали Сашу Сырова (в настоящее время печатающегося под псевдонимами Александр Петрович-Сыров, Пошехонский), чьи стихи уже в то время печатали в «МК» и других центральных газетах.

Мы не только читали друг другу стихи, но и выставляли за них оценки по пятибалльной шкале. «Двойки», «тройки», а иногда даже «четвёрки с минусом», как правило, не подвергались «доработке», а просто выбрасывались. «Четвёрки» «дорабатывались до кондиции», а пятёрки входили в «золотой фонд». Неудачные (как, впрочем, и удачные) строки обсуждались. Словом, шло обучение, но без подражательства друг другу, уж слишком разные стихи (и проза) были у каждого. Благодаря благожелательному и в то же время критическому настрою, создавался «золотой запас», из которого мы потом выбирали «шедевры» для выступлений на сцене и в дружеском кругу...

Однажды Саша Сыров написал наши «портреты» в стихах, в том числе и мой:

*Он разобрал голубой георгин
На близкие глазу и сердцу детали.
Судьбу свою, зная, что выход один,
Жалели, жалели и перестали
Клубни пудовые...».*

Я действительно любил «алгеброй поверять гармонию», даже курсовую работу на четвёртом курсе физфака защитил на тему «Симметрия в поэзии», а не «прецессия электрона», как предполагал мой руководитель...

Похвал и «оплеух», полученных на «посиделках у Хромченко» или на штудиях Инициативной группы, хватало надолго. Саша Сыров был не просто хозяином дома, где мы собирались, но и душой неразлучной пятёрки. К его замечаниям всегда прислушивались...

Легендарный Александр Сыров на жизнь зарабатывает не легким трудом реставратора и печатается преимущественно в юмористических изданиях. В частности, в Клубе 12 стульев «Литературной газеты», в сборниках Московского клуба афористов, в Клубе юмористов «Чертова дюжина» и др. Лауреат премии газеты «Московский комсомолец». Визиткой поэта могут быть такие его строчки:

*Я знаю способ немудрёный
Как вывих мозга оправдать:
Себя не «белую вороной» –
А «светлой личностью» считать!».*

ПО СЛЕДУ АКАДЕМИКА САХАРОВА

В начале 70-х приведший меня в лито «Спектр» поэт Владимир Рубцов как-то попросил познакомить его с Ефремом Янкевичем, зятем Сахарова. Самого Сахарова я никогда не видел, а с Ефремом встречался у подруги моей тогдашней жены. Знакомство состоялось, а через некоторое время Володя стал вхож в дом к Андрею Дмитриевичу...

Как-то мы с Рубцовым отправились на семинар по стимуляционной синонимии, который проводил Валентин Куклев где-то неподалёку от Очаково. На улице я заметил за Володей «хвост», о чём и сообщил ему. Володя высмеял мою мнительность. Но, когда мы зашли в подъезд пятиэтажки и стали подниматься по лестнице, вдруг услышали хлопок двери и увидели внизу двух мужчин, один из которых стал подниматься вслед за нами. Мы решили «запутать следы» – не подниматься на нужный нам пятый этаж и остановились у одной из дверей на четвёртом. Мужчина прошёл мимо нас наверх. Мы медлили, и ему пришлось позвонить в наугад выбранную дверь. Дверь распахнулась, и в проёме возник огромный мужик в тельняшке. Немая сцена и нашего преследователя, как ветром сдуло...

Семинар был интересным, говорили об открытии Эриком Бёрном трицы психологических программ РВД (Родитель-Взрослый-Дитя), описывающих поведение человека. Эта модель всеобщего человеческого поведения эквивалентна, пожалуй, разве что модели атома, «увиденной» одним из выдающихся физиков прошлого. Говорили о транзакционном анализе (межличностном взаимодействии) и расщеплённых транзакциях – причине «человеческих мотиваций». Засиделись дотемна. А, когда вышли на улицу, ни о каком «хвосте» уже и не помнили. Сели в подошедший пустой автобус, который, проехав большую часть маршрута, вдруг остановился за поворотом. Водитель вышел через переднюю дверь, открыл капот и стал искать неисправность в моторе, подсвечивая себе фонариком. И тут мы услышали, как неподалёку, затормозила машина, мчавшаяся, как оказалось, за нами. Капот её выдвинулся из-за полуразвалившегося придорожного забора. Из машины вышли два мужика и стали курить. Огоньки сигарет хорошо были видны в полумраке...

Водитель починил мотор, запрыгнул в автобус и, навёрстывая упущенное время, рванул без остановок. Мы выскочили на конечной, у платформы «Матвеевская», и помчались сначала через переезд, а потом, не оглядываясь, вдоль платформы. Никаких электричек уже не ходило, поэтому два появившихся в начале платформы человеческих силуэта подвигли нас на прыжок с довольно-таки приличной высоты. Мы очутились на

окраине деревни. Над нами сияли звёзды. Побрехивали псы. Только что случившееся постепенно стало казаться вещью немыслимой. Может быть, это были такие же, как мы, опоздавшие на последнюю электричку?.. Так, переговариваясь, перелезли через железнодорожную насыпь и снова очутились в городе. Пошли в сторону освещённой бензоколонки и вдалеке увидели на пустом шоссе ту самую медленно возвращающуюся чёрную «Волгу».

– Володя, бежим через газон ко второму дому – успеем в третий подъезд! Побежали. Обернувшись, увидел, как дверцы «Волги» открылись и двое мужчин рванули за нами.

Пропустив Володю, придержал дверь подъезда, чтобы не хлопнула. Поднялись на седьмой этаж. Сели на пол рядом с мусоропроводом, и Рубцов стал вырывать из записной книжки листочки с телефонами и адресами, кромсая их в мелкие кусочки, а потом всё это спустил в мусопродов...

Стало светать. Володя поднялся с пола, встал на цыпочки и с трудом заглянул в довольно-таки высокое окно.

– «Чёрный ворон», – раздался в тишине его голос, – у подъезда стоит «чёрный ворон».

– Не может быть, «воронков» давно уже нет, – шёпотом откликнулся я.

– Иди, посмотри сам!».

Я подошёл к нему и увидел внизу поставленный на кирпичи ремонтный вагончик. Уфф! Отлегло... Мы спустились по лестнице в абсолютно пустынный двор и пошли к моему дому.

С Володей на эту тему мы больше не говорили. А через многие годы я узнал, что за теми, кто был в контакте с Сахаровым, «ходили»; «ходили» и за теми, кто вступал с ними в контакт. Где обрывалась цепочка, знают лишь профессионалы. Значимость Сахарова безусловно была такова, что «топунов» могла набраться не одна тысяча.

Через 30 с лишним лет после разгона «Спектра» привёз Рубцов в Купавну нашего общего друга Ефрема, вернувшегося в Россию после нескольких лет жизни в Израиле и Штатах, и я, после того, как хорошенько выпили за встречу, вспомнил всю эту историю. Вспомнили и о «хрониках», которые выпускал Ефрем в 70-е. Они распечатывались на пишущей ма-

шинке на папиросной бумаге в 5-и экземплярах под копирку и передавались тайно из рук в руки, сообщая информацию, которой не было в советских газетах.

Ефрем с молодой женой Женей прожил у нас на даче всю зиму. Они с Володей даже справляли вместе Новый год...

Через 2 года после нашей встречи Ефрем Янкелевич скончался от сердечного приступа (да упокоит Господь его душу), успев выступить на одной из встреч в Союзе литераторов на презентации книги «Хроника казни Юрия Галанского». Знаменательно, что Илья Бокштейн сидел в том же лагере, что и Юрий Галансков, за чтение стихов у памятника Маяковскому...

ЛИТСТУДИЯ

После разгона «Спектра» отправил я свои стихи на конкурс в Литературную студию при горкоме комсомола и Московской организации Союза писателей. И в 1973 году меня приняли в поэтический семинар В. Сикорского – Т. Глушковой – П. Вегина. Два года «просидел за одной партией» с поэтом (теперь известным прозаиком) Юрием Поляковым; ещё в студии учился, знаменитый тем, что писал стихи без запятых, Ефим Зубков; посещали занятия и Юрий Чехонадский, и Ольга Татарина, и Олег Богданов... Старостой семинара был Игорь Селезнёв. Это от него я услышал и навсегда запомнил: «Семь раз в год опубликуешься – семь подошв сотрёшь!». Любимым руководителем был Вадим Витальевич Сикорский. Двухгодичная учёба в Литстудии давала право на преподавание. Дипломом, правда, воспользовался лишь после вступления в 1980-м в Профком литераторов при Литфонде СССР, став руководителем литературной студии «Бригантина». Конечно, имея диплом физфака МГУ, я мог бы работать и по своей первой специальности, но выбор был сделан: из физиков – в лирики. А из лириков – в поэтический перевод, как и многие поэты в советские времена, пишущие «не так и не про то».

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Самые знаменитые литераторы при советской власти были разогнаны или в них сменили руководителя, и менее стойкие из студентов бросили писать. А многие стали «писать в стол» или, как я, «ушли в переводы». Правда я, при этом, старался не «испортить себе руку», дав обет – не халтурить, не переводить только ради денег, ведь халтура будет записана в тебе на клеточном уровне, и какие уж тут собственные стихи – о них придётся забыть или же стать советским поэтом-многостаночником.

Но в конце 80-х грянула Перестройка, и я именно в это время стал председателем Комитета литераторов при Литературном фонде СССР. Империя рушилась. Начали создаваться совершенно новые творческие организации. Так я оказался у истоков Союза литераторов России. Свой первый официальный документ о регистрации мы получили в Мосгорсовете народных депутатов, перед самым Новым годом – 20 декабря 1990 года. Исторически мы стали первым зарегистрированным творческим Союзом, а все остальные Союзы по документам были ещё творческими организациями СССР. Через 3 месяца создаётся Минюст, и уже на основании имеющейся регистрации, с тем же названием 14 марта 1991 года нас регистрирует и Министерство юстиции России. Если говорить о творческом, духовном наследии, то в первом пункте нашего Устава подчёркивается, что «Союз литераторов Российской Федерации происходит от Петроградского союза поэтов, образованного Блоком и Гумилёвым, и созданных в 20-е годы профессиональных комитетов писателей. В процессе деятельности эти организации были преобразованы в Профессиональный комитет литераторов при Литфонде СССР...». Александр Блок, потом Николай Гумилёв были первыми председателями Петроградского союза поэтов, который перестал существовать после расстрела Гумилёва... Основная задача нашего Союза – это не только помощь авторам в публикациях, в организации творческого общения, в проведении мастер-классов и выступлений перед читателями. Но и создание, продвижение современных проектов, издание газет, книг, альманахов, аудиокниг и видеофильмов, а, самое главное, – это, безусловно, сохранение особой, творческой атмосферы, возможности свободно общаться, думать и писать.

ЗДЕСЬ БЫЛИ РИМЛЯНЕ...

*Марине Борщевской, Евгении Славоровой
и Виктору Коллегорскому*

В Кобыстане есть камень с надписью,
высеченной римскими легионерами:*

Здесь были римляне...

Теперь стоим
Я и мои друзья. Стоим в обнимку.
Здесь были римляне,
но не возможно им
Лицом, как мы, прижаться к фотоснимку.

Короткими мечами вбиты в камень
Эпиграфа латинские слова.
Когда «читаю» надпись я руками:
Здесь были римляне,
кружится голова.

Растут на камне дикие цветы.
Здесь были римляне.
Здесь, в Кобыстане,
Вот-вот услышу я, услышишь ты
Легионеров говор в римском стане.

* * *

Все знают, что Бродскому с Пушкиным
В конце было не до стихов.
Без рифм обожали подружки их,
Измену прощая легко.

* примыкающий к Хазару (Каспийскому морю) район современного Азербайджана.

Не всё ещё было пропето,
А проза клонила к земле...
Но бедствие тихое это
Давно уже скрыто во мгле.

Не легче и нынче поэту
Беду эту встретить на Вы –
И прежде, чем вклинишься в Лету,
К земле не клонить головы.

Вселенная, что ты без рифмы
И ритма – пустая дыра, –
Жизнь учит своим алгоритмам
От вечера и до утра.

И с ними не справиться прозе,
Они лишь стихам по плечу, –
Пой гимны красавице розе,
А как – я ещё научу.

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР

В Лондоне времени так и не нашёл
на Музей Фигур Восковых
Что ж вместо этого ретро-стишок
сочиню о всегда живых

У Мандельштама был юбилей
стукнул Осипу целый век
всех лондонских и прочих мумий живеёй
был для нас поэт-человек

Устроил Иосиф Бродский в честь
Мандельштама Всемирный Конгресс
мол и у нас своя гордость есть
хоть не знают его в US

и в United Kingdom зайти
и проверить в лондонский Знаменитый Склеп
там Мандельштама в путеводи-
теле нет – чтоб я ослеп

Жили в мире высоком его стиха
в London University мы
и Тумана Стихия сгущалась тиха
и в полон забирала умы

суггестивной лирику как не назвать
но с десяток другой москвичей
по ночам не ложились in London в кровать
нарекая его – Свет Очей

Для китайца Ли Бо и возможно Басё
для англосакса – Шекспир
но для русского только он – Наше Всё
а не Пушкин затёртый до дыр

«Родина – это язык!», – Бродский изрёк...
Вот и сам он в воске застыл...
Я подношу ладонь «под козырёк»
раз очевидцем был

«ТАК БЫЛО БЫ ДЛИННЕЕ...»

В 1991 году, открывая в Лондонском университете конференцию, посвящённую 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама, Бродский встал со стула и надавил двумя пальцами на горлышко только что открытой пластиковой бутылки. Бутыль слегка наклонилась и стала медленно вращаться по кругу, чудом сохраняя своё нарушенное вертикальное положение. Мелькнула мысль: докладчик может облиться и выйдет конфуз. Зал замер.

А Бродский цитировал Мандельштама: «Мы построим такие дремучие срубы, / Чтоб туда татарва опускала князей на бадье». Это мы – князья, и нас – опускают». Разве неясно: конференцию из «буддийской» Москвы Мандельштама выдавливают в Лондон? И это при тогдашней, наконец-то, проклюнувшейся (да так и не вылупившейся из яйца) демократии.

«Ребёнок» Мандельштама сам предсказал, а, скорее, накликал свою будущую смерть: «для казни себе топорище найду», – продолжал Иосиф. «У Мандельштама не было детей!», – неожиданно выкрикнул из зала Аверинцев. Бродский был хорошо знаком с методикой психоанализа и не всегда адаптировал психоаналитический «сленг» на потребу аудитории. Сергей Сергеевич Аверинцев, да и не он один, понял Иосифа буквально.

Свободный Ребёнок Мандельштама – творческая часть души (психики) – не был никому подотчётен, даже Сталину. И топорищем для собственной казни выбрал, сначала написав, знаменитое стихотворение о Сухоруком Чудовище? Что по сравнению с этим пощёчина Алексею Толстому? – Так, лёгкая разминка.

Бутыль под пальцами Бродского на секунду застыла. И от переносицы потекла слеза. Он резко смахнул её, налил воды и отпил глоток из стакана. Сам себе Актёр и Режиссёр с большой буквы, шаг за шагом выстроивший этот миниспектакль: прольёт или не прольёт, как гамлетовское – «быть или не быть».

Вспоминая лондонскую конференцию и тогдашнее общение с Иосифом Бродским, я задумался о превратностях приватной (частной) жизни, воспетой Бродским в его знаменитой Нобелевской лекции. Ведь именно в эту частную жизнь в 60-е годы, в жизнь ещё непризнанного тогда поэта, но уже печатающегося поэта-переводчика так бесцеремонно и незаконно вторглась советская власть:

«Иосиф, Ваш адвокат, судя по всему, не знал, что в конце 20-х годов было принято постановление НКТ (Народного комиссариата по труду) «О праве работы на дому по договорам с издательствами и редакциями», согласно которому вы не были тунеядцем, ведь у вас, как сказал мне Евгений Рейн, на момент суда был подписан авторский договор с «Худлитом» на перевод польских поэтов?!».

Бродский слегка озадачился и неожиданно парировал: «Да, мог бы не сидеть, но *так было бы длиннее*».

Я не переспрашиваю – ответ понятен профессионалу и любому, жившему в советской действительности: длиннее при ином стечении обстоятельств была бы для Бродского дорога в дюнах литературы. Кстати говоря, первым поэтом Соединенных Штатов Бродский стал тоже не по мановению волшебной палочки.

«Дима, вам так не повезёт, как мне, – вас не посадят. Поэтому в вашей команде (Союзе литераторов, *авт.*), как у голландцев, каждый должен знать свой маневр». О чём это он? – Футбол... Круифф – первый футболист Европы, и голландская футбольная школа – одна из лучших в те годы в Европе... хотя и голландская школа живописи Ван Дейка и Рембрандта тоже «мерцает» на втором плане сознания.

Но главное в произнесённом – «каждый в команде должен знать свой маневр», а иначе будет, ох, насколько длиннее или, с девяносто девятью процентной вероятностью, не будет вообще ничего: жил – похоронен, и прочерк между двумя датами.

Иосиф входил в наши постсоветские трудности, давал советы по ведению общественной жизни на своей бывшей Родине, собрал всех нас за тридевять земель – в Лондоне, чтобы напомнить, про «князей, которых опускают» и про «топорище для казни», при этом сумев всю эту «жизнь поэта» показать на себе самом – какая уж тут *private life** литературного сноба.

* частная жизнь (*англ.*).

Частная жизнь в понимании Бродского была единственно возможным противовесом общественной в социалистическом общежитии, протекавшей с постоянной оглядкой друг на друга и, в первую очередь, на власть предрержащих, – противодействием «плагиату существования».

Не плагиаторствуй – и, как у меня, у тебя появится шанс на Судьбу, говорил он всем, кто слушал его нобелевскую речь по Голосу Америки сквозь завывание и скрежет глушилок...

Как-то я перевёл двестише-эпиграф для одной из книг, переведённых экономистом Борисом Пинскером, который в не столь далёкие годы и сам ездил в Штаты послушать Иосифа со сцены:

*Господь тебе дал оба твоих глаза, –
Так Плагиаторствуй, зараза.**

В оригинале слова «Господь» и «Плагиаторствуй» написаны с большой буквы. Для меня смысл этого стихотворения состоит в напоминании о существовании промысла Божьего – догляда за Вселенной и людьми, даже такими, кто само слово Бог семьдесят лет писал с маленькой буквы. В таком контексте в Плагиате нет ничего зазорного. Наоборот, это двестише каждого встряхивает и призывает к исполнению личного долга перед зачавшей его Вселенной – к осуществлению своей единственной ни на чью не похожей частной жизни.

Похоже, что, следуя промыслу Божьему, Бродский был «Плагиатором» с большой буквы. А живи он по-другому, как сами теперь понимаете, было бы *намного длиннее*.

* God gave your eyes – Plagiarize! (англ.).

ЕЩЁ НЕ ТЕПЛО

*Из письма Э. Г. Ананиашвили**

Хмурый день.
Будто в притихшем мире
Кроме Бога нет никого...
Утром прибираюсь в квартире,
Ничего не зная про Него.

Зачирикал воробей, машина
Заурчала, врезавшись в туман.
Шпиль воздевает, далекая вершина –
МГУ колдует, как шаман

В бубен пригородной электрички
Бьёт, гоня на насыпь гаражи...
А между домами по привычке
Голуби стреляют, как стрижи.

Наблюдаю с кухни их зигзаги,
Слышу, как туман грызёт мотор, –
Полон до краёв кувшин отваги
Для абрека с Воробьевых гор...

На шоссе – шурпа от гололеда.
Кроме Бога – нет никого...
Съежилась притихшая природа,
Ничего не зная про Него.

* Элизбар Георгиевич Ананиашвили (1912-2000) был вице-президентом литературной комиссии Международной Федерации Переводчиков (ФИТ) при ЮНЕСКО, переводил прозу, поэзию, драматургию с различных языков. В его поэтическом наследии наиболее известны переводы американского поэта Карла Сэндберга. Элизбару Ананиашвили на базе Семинара художественного перевода (первым старостой которого был автор этих строк) удалось создать свою Школу Перевода.

А СТИХИ – ЭТО ЛИШЬ ПЕРЕВОДЫ

К 100-летию Э. Г. Ананиашвили

31 декабря 1999 года я видел Элизбара в последний раз. Он вышел встречать нас с женой в прихожую на костылях. Расцеловались. Обменялись подарками. Он подарил нам малюсенькую книжицу своих стихов «Рисунки на веерах»... Выйдя от Элизбара, Нина вспомнила, что дома у нас нет ёлки – так и не успели купить. И вдруг прямо перед нами на тротуар падает ёлка, упакованная, чтобы было удобней везти.

Откуда она прилетела – с балкона или непосредственно с небес – не знаю...

Двенадцать лет назад, в зимней Москве, 31 января 1990-го, в старинном храме Георгия в Грузинах, отпевали Мастера, в последний путь провожали его родные близкие, ученики...

*Чужие края,
Глушь, непонятная речь.
Шла мимо кошка,
Внятно сказала «мяу»
На своем эсперанто
(Э. Ананиашвили, «Рисунки на веерах»)*

Внятное «мяу» о чём? – О кошачьей жизни! А кто сочинил? – Толмач, переводчик по имени Элизбар, по фамилии Ананиашвили. Учитель, друг, собеседник, поэт. Дюжину лет уж ни позвонить, ни заглянуть на огонёк к седому грузинскому князю.

Русский душой, – да и по языку, – дважды русский, как он умел сочно, ёмко мысль чужедальнюю в стих воплотить или в прозу.

Ну, а стишок про «мимо идущую кошку» – не подтверждение ли, что у нас с ней один эсперанто...

Спросишь себя: чему старики нас учили? На личном примере Мильтона, Сэндберга или Ли Бо? – Стих переводчика стать должен русским по плоти, по сути. Сам хоть умри, но останься

при этом китайцем: кисточку в пальцах зажми и немного сощурься. Дзэн изучи (или старогрузинскую вязь).

И тогда спорить не будет никто, что *стихи – это лишь переводы*.

А поэт – это толмач, в глушь, в чужие края уводящий учиться диковинной речи птиц, зверей или рыб, причащаться чело-веческим тайнам...

И не чудо ли, что Элизбар для меня стал Мафусаилом?

МАФУСАИЛ

*Мафусаил жил, вероятно, восемьсот лет,
Или тысячу, или двести лет.
...Мафусаил был свидетель повторяющихся фигур,
Узоров Морской пены на прибрежном песке...*
Карл Сэндберг (пер. Э. Ананиашвили)

Царит повтор, Мафусаил, он заплетён в узор.
Под пеной проступает ил и дёгтем вяжет взор.
Всё – крики чаек, ракушек изломанных края
Имеет смысл, особый шик в себе самих тая.
Не намекая ни на что, быть только тем, что есть,
Как этой пены решето и брызг летучих взвесь.
Вдавившись животом в диван, ловлю их языком.
Кто это пламя раздувал и разжигал тайком?
Не всё равно ли мне кто Он, я сам вплетён в узор
Той паутины на песке и вырезанных гор.
Смывает след босой волна, и пена вновь и вновь
Плетёт узор, поднимая со дна ил – чью-то плоть и кровь.
Мафусаил, хоть триста лет живи, всё будет так, –
Колючих раковин скелет, песка сухой наждак.

(Д. Цесельчук)

«ВЫНЫРНУЛА РЫБИНА, ГЛОТНУЛА СЕРЕБРЯНОГО»

В конце 70-х – начале 80-х в ЦДЛ велись переводческие семинары Левика, Штейнберга... По легенде, Вильгельм Вениаминович Левик умер от того, что в книге переводов Гёте в малоуважительные к искусству перевода предперестроечные времена не указали его фамилии как переводчика.

Штейнберг, как показало вскрытие, умер от третьего инфаркта. Два предыдущих он получил в ГУЛАГовских лагерях, успев повоевать между отсидками... Можно создавать произведения культуры, «питаясь» великой литературой, написанной предшественниками, просматривая знаменитые фильмы или разглядывая картины мастеров. Но быстрее и эффективнее обучение происходит при живом общении с самим мастером. Зачем нас эти старики учили? Чему?

Кто понуждал их к ведению всяческих переводческих семинаров в ЦДЛ, где баловались и поэзией, т.е. приходили люди, которые никогда никакими переводами не занимались. Лимонов, например, ходил к Штейнбергу, к Акимычу, как между собой называли его ученики. Кто понуждал? – Сидели бы себе дома, переводили свою нетленку...

«Роскошь человеческого общения», – так говорил Акимыч уже после «Потерянного рая» Мильтона, после Ван Вэя – в котором не было ни одной поправленной редактором запятой – первая своя книжка на закате! И Ван Вэй на картинке под обложкой тоже смотрел на закат, хотя там не было нарисовано солнце... Вообще, это было в стиле Штейнберга – показать, а не ткнуть носом, и подпись на подаренной мне книге под портретом усталого человека, сидящего на бамбуковом кресле в полотворота к зрителям, гласила: единственный подлинный портрет Ван Вэя, и, как всегда у Акимыча невольно получалось, был в этом напутствии второй смысл – все остальные портреты, не повернутые к нам затылком и не глядящие на закат, – ненастоящие, а так – лишь одно из притворств, необходимых для узнавания друг друга.

Впрочем, этим хитростям научились немногие. Да и научились ли? Одно дело рассуждать про всякие Дзэн Буддизмы, другое – показать что это за штука такая Дальний Восток:

*Великолепна живопись китайцев
О ней не знаю что и рассказать
Лишь пустота меж разведенных пальцев
Но пустоту они смогли создать
(Д. Цесельчук)*

Акимыч был живописцем. Живописал. А уж, что попадалось под руку: холст или бумага – дело второе. Иногда образ получался не сразу, в'иденье мучило вид'еньями, прорываясь к точному воплощению. Ван Вэй уже был напечатан, и Акимыч, даря книгу, делает устную поправку только что прорвавшуюся на свет, он даже ничего не поправляет в книге в стихотворении про баклана, но уши мои помнят этот последний и единственный вариант:

*...Рыбина – в клюве.
Замер на старом плоту.*

А была – рыбёшка. Может, и в подстрочнике была?.. Она то и мучила. А когда вынырнула рыбина, глотнула серебряного и исчезла в клюве, можно и постоять и понаслаждаться. Куда торопиться? – Закат, он всегда с нами, бакланами... Эмпатия? Вживание? – Сколько не переводи, а все это будет тщетой нашего индо-европейского самосознания. – «Captive mind», так ведь назвал свою знаменитую книгу Чеслав Милош. Captive – пойманный? – Пленённый! И уж, конечно, не порабощённый. Кем? Кто это в нас всё время выпячивает своё Я – своё лицо? Не лучше ли повернуться затылком к миру и глядеть на ненарисованное солнце в пустоту заката...

Бамбуковое кресло на «единственном подлинном портрете Ван Вэя» по нашим понятиям чуть ли не скамейка с подлокотниками. Можно раздвинуть ноги, вывернуть мыски туфель настежь, раскинуть руки, блаженно расслабить кисти и, помавая бабочками ушей, полететь туда, куда повернута шея, оставаясь при этом на жёстком бамбуковом сидении. Грация силы и вседозволенности... Какой там плен и порабощение:

<p><i>штейнберг с лодочным мотором на плече и пёс фома дай Бог памяти в котором? в мае семьдесят восьмого шёл по травке босиком ну а мы за ним гуськом пёс наташа следом я шли в прибрежные края залезал акимыч в лодку ставил подвесной мотор на наташю на красотку гляну и потуплю взор</i></p>	<p><i>водолаз фома ликует разгоняя рыб окрест лодку заселил акимыч нам с наташей не оставив и фома свободных мест за кормою воды Стикса? мы стоим на берегу в урвнение У с X-ом жизнь = чему там? с пустяковой задачей справиться я не могу</i></p> <p style="text-align: right;">(Д. Цесельчук)</p>
---	--

Зато в том же 78-м врыл Акимычу скамейку у овина с видом на закат...

А потом ещё одну, чтобы было где посидеть, – у могилы... В одном из лучших своих стихотворений Акимыч написал: «...И не верят в спасение / Даже мухи осенние...». – Значит, и у мух есть душа? И у Фомы? – У Фомы-то уж точно была... Бедный пёс, ненамного он пережил своего хозяина:

Памяти Аркадия Акимовича Штейнберга

*Фома спит на боку,
вдыхает во сне, как человек,
у Фомы подрагивает верхняя задняя лапа.*

*Эй, Аквинский, ку-ку,
отдай мой тапок!*

*Нет, конечно, Фома –
другого сердца тюрьма.
Снятся страшные сны Фоме,
скоро приснятся мне.*

(Д. Цесельчук)

Зачем нас эти старики учили? Чему? – Может быть, тому, как передавать невидимый вирус культуры и не иметь от него иммунитета...

ПАМЯТИ ПОЛКОВНИКА ГОРОХОВА*

Помнишь
как на проваленном диване
на Кетчерской
мы читали конспекты
по Карлосу Кастанеде
о непрерывной работе мозга
спонтанной как и сейчас
когда качаясь на стуле
стучу затылком о крынку
укрытую в нише печки
чуть не разбив вдребезги
красавицу – в пару той
в чьё чрево на хуторе Янсоне**
супруг – полковник Горохов
выплескивал простоквашу
как в дуло мортиры порох
для вкуса бросая горох

Считая пиво водой
шумели поэты-гости

Полковник уснул на погосте
два года молчала вдова
но докатилась молва

Спонтанная тема смерти
сама возникла
поверьте

* так звали друзья латышского поэта Петериса Зирнитиса, поскольку он, как резервист, был начальником штаба дивизии, а «зирнитис», по-русски, – горох.

** хутор жены П. Зирнитиса – Аниты Янсоне-Зирните.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Петерису Зирнитису

Сосредоточиться и слушать дождь. Январь.
Ян варит варево – всё вьюги да метели,
но верится с трудом в них, а, на деле,
я друга встречу, в куртке; как и встарь,

«лейбл» бундесвера над локтём увижу,
на «Латвии» прибудет он в столицу,
но это – присказка, как говорится, –
вельможный пан – на полпути к Парижу!

Быть иль не быть? – для Гамлета вопрос,
а нам негоже усомниться в дружбе...
В Париж (проездом) едет Пётр по службе,
я вижу, как он лбом к стеклу прирос...

ОПЕРАЦИЯ ПО «ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ДУШИ»

Первая книга, которую я перевёл целиком, это поэтический сборник «Осенняя лирика» Петериса Зирнитиса. Интересно, что в СССР прибалтийская поэзия, несмотря на единое тогда советское пространство, разительно отличалась от того, что допускалось у нас, в русской советской поэзии. Латыши и литовцы, которых мне довелось переводить на русский, могли позволить себе не только писать, но и публиковать в книгах и журналах верлибры, стихи без запятых и т. п. В «толстых» журналах тех лет довольно часто печатались диалоги переводчиков с их авторами, и была возможность заглянуть на «кухню перевода». В моём литархиве сохранились некоторые из диалогов. Думаю, интересно прочитать уже в наше время отрывки из бесед с латышским поэтом Петерисом Зирнитисом и литовским поэтом Стасисом Йонаускасом:

ПОЭЗИЯ ПАРАДОКСА (ДИАЛОГ В ЖАНРЕ ВЗАИМОУЗНАВАНИЯ): Петерис Зирнитис – Дмитрий Цесельчук

Д. Ц.: Начну ab ovo. В самом широком смысле – переводит всякий, кто говорит. И всякий, кто слушает говорящего. Не всегда удается сказать то, что хочешь; не всегда удается услышать то, что сказано, даже если сказанное выражено прямо и точно, а услышанное уяснено со всем возможным вниманием.

Сложность состоит в самом факте существования своеобразных личностей каждого, с необходимостью истолковывающих смысл того или иного слова и интонации, мимики и жеста по-разному, в соответствии с особенностями личного знакомства с ними, т.е. с индивидуальным жизненным опытом.

Субъективные «помехи» изложения и восприятия и есть проявление личности, как таковой, – они по понятным причинам неустраивают. Их можно попытаться свести к минимуму, «вживаясь» в специфику чужого восприятия. При работе над переводом слово довлеет над тремя другими слагаемыми живого диалога: мимикой, интонацией и жестом, находящимися как бы в тени. Короче, положение отчаянное, но люди ведь не перестают общаться...

П. З.: ...а поэты – переводить... Но тогда на чём же основывается возможность поэтического перевода? Перед переводчиком всегда стоит сложнейшая задача: повторить неповторимое. Я уверен, что с приобретением профессиональных навыков степень риска не снижается, а часто даже повышается, поскольку переводчик в состоянии ставить для себя все более сложные и трудные задачи. Компонентами удачи являются, конечно, знание культурного поля, в котором создан оригинал, владение техникой перевода, искренний интерес к поэзии переводимого автора. Плюс ещё то, что неуловимо, та живая душа, которая обитает между строчками поэтического текста и, в конце концов, определяет коренное отличие художественного перевода от технического. Важнейшей основой поэтического перевода является совпадение личностных «контуров» поэта и переводчика.

Д. Ц.: Повторить неповторимое... парадокс в самой постановке задачи?... Понять и принять написанное на другом языке, а потом и передать всё это на родном языке переводчика, конечно, дело не простое. Во-первых, есть личность переводчика со всеми её особенностями. Во-вторых, есть личность поэта, сформировавшаяся в поле своей национальной культуры. В-третьих, наличие различных смысловых полей у каждого слова в каждом из двух языков. Часто эти различия, накладываясь друг на друга, уводят смысл от оригинала, хотя с точки зрения русской поэзии всё как будто на месте.

В-четвёртых, различные смысловые конструкции в каждом из языков не имеют прямых соответствий: то, что хорошо звучит на латышском, на русском может звучать плохо.

В-пятых, бесконечное количество мелких переводческих трудностей, о которых и не упомнишь, но с каждой из них приходится иметь дело, а в сумме они вносят в перевод неизбежные неточности. Эти трудности можно отнести к разряду технических, применительно к ним можно говорить о хорошей или плохой переводческой форме (по аналогии со спортивной), от которой зависит так много, если не всё.

П. З.: И даже, если поладить со всеми объективными трудностями, удача всегда – немножко чудо. И основной инструмент тут интуиция переводчика. Нельзя отдавать предпочтение буквальной точности в ущерб поэтической. И уж не при

каких условиях не вторгаться в замысел автора, даже из самых лучших побуждений, помня, что благие намерения могут привести к летальному исходу. В этом смысле перевод является операцией по «переселению души», а душа стихотворения, живущая между строчками, уязвима и легко гибнет от вторжения. Наверно, никакими декретами нельзя установить ту неуловимую грань, за которой начинаются уже не вариации парадокса, а просто искажается текст оригинала. Переводчик должен исхитриться, но проплыть между Сциллой и Харибдой: текстом оригинала и тем, как этот текст прозвучит на его родном языке в идеальном варианте.

Д. Ц.: Возвращаясь к основной теме нашего диалога – поэзия парадокса, думаю, уже возможно подвести итог. Это поэзия искренности, поэзия чистосердечия, поэзия наивного взгляда на окружающий нас мир. Но такова вся истинная поэзия. А раз так, то в самом главном она безусловно переводима...

П. З.: А сам эффект взаимодействия литератур через личности двух поэтов в случае создания стихотворения-перевода приводит к «обобществлению» национальной специфики стихотворения-оригинала, делая её теперь уже общим культурным достоянием. Я не верю, что читатель глубоко понимающий и любящий свою национальную литературу, не воспримет поэтического языка другого народа. Причём, без каких-либо предвзятых условий. И в этом тоже свой парадокс.

Я хочу повторить мысль Маяковского о том, что поэзия – это езда в незнаемое.

Д. Ц.: Перевод поэзии – тоже.

Петерис ЗИРНИТИС

* * *

*О чём плачешь
о чём смеёшься, –
вереск в поле поёт,
пчёл несметная тьма
в поход на цветы идёт.
О чём рассказываешь,
о чём молчишь,*

*земляничное поле моё,
лето в разгаре
и слышно лишь,
как иволга дождь зовёт.
Ещё ничего не упущено,
всё ещё может быть;
красная земляника шепчет:
может быть,
может быть.*

(Перевёл с латышского Д. Цесельчук)

ПЕРЕВОД, ПЕРЕЛОЖЕНИЕ, СОТВОРЧЕСТВО: Стасис Йонаускас – Дмитрий Цесельчук

С. Й.: Первые переводы моих стихов ты делал по подстрочникам, причём их у тебя было не так много, чтобы составить представление: кто я и каков? Как пишу? Что меня мучит?

Д. Ц.: Конечно же, для перевода одного подстрочника мало. Я ведь уже переводил нескольких литовских поэтов, да и, вообще, давно заинтересовался литовской поэзией. И поэзией других Прибалтийских республик. Искал – что общего между ними и в чём характерные особенности литовской или, скажем, латышской поэзии.

С. Й.: Думаю, что личное знакомство при работе над переводом – вещь незаменимая. Во всяком случае, нам с тобой оно дало немало, – в первую очередь удовольствие от совместной работы над тем же подстрочником, выявление многочисленных вариантов подстрочника, его подтекстов. Мне было очень интересно видеть, как подстрочник «непомерно» разрастается, обрастает множеством смыслов и ассоциаций, звучащих в литовском стихе, – и всё это лишь затем, чтобы потом опять «сжаться» в строку, строфу, стихотворение.

Д. Ц.: Подстрочник мне напоминает годовые кольца спящего дерева. Конечно, специалист может многое сказать о дереве и по его годовым кольцам. Но далеко не столько, сколько скажет тот, кто это дерево посадил и вырастил. Сейчас мне понятно, что «разрастание» подстрочника или оригинала – в

процессе перевода – происходит всегда. Это просто часть переводческой работы по восстановлению всех смыслов поэтической метафоры.

С. Й.: В заключение стоит кое-что из сказанного проиллюстрировать, приведя подстрочник и твой перевод моего стихотворения:

Подстрочник:

*Уже наглotalось песка уставшее устье,
В дали уже было тихо (молчало), вдали уже сверкало (молния),
И пройденный путь, как сказанное слово,
Не может быть больше ни моим, ни твоим.*

*Все, кто вырос, уже пришли домой.
Свет (самое лучшее) от соломы — вновь ушёл зерном в землю.
Ещё раз произошло то, что должно было случиться,
И звёзды покачиваются, когда (люди) зачерпывают воду.*

(Дольник (смешанный амфибрахий), рифма перекрёстная: женская, дактилическая).

Перевод:

*Уставшее устье песку наглotalось сырого,
Зарницы сверкают, и сумрак все больше сгущается,
И пройденный путь, словно произнесённое слово,
Не принадлежит нам и с нами навеки прощается.*

*Тем, кто возмужал, посчастливилось в дом возвратиться,
Зерно проросло – о соломе не стоит печалиться.
Ещё раз случилось всё то, что должно было с нами случиться,
Воды зачерпнёшь – и увидишь, как звёзды качаются.*

(Перевёл с литовского Д. Цесельчук)

ВСТРЕТИВ ПОЭТА

Александр Живлову

Вхожу в стихи,
Как в храм,
И выхожу,
Щурясь от света.

* * *

Поэта Блажеевского Евгения*
уважать за блажь конгениальности
на челе увидев отблеск гения
Выдержать весь стих в такой тональности

не минор и не мажор а нечто среднее
мы ровесники 53-летние
Кое-кто был рядом понаследнее
но ему лишь – почести последние

Времена «абсурда максимального»
по Зубкову** – «полный аут» друковский
наступают – ничего фатального
в слове Смерть но – убивают буквы

Я дубы посею за оградою
а когда стволы взойдут из жёлудя
самого себя возьму-обрадую
Запущу Стишок в окно как голубя

Не слетай к нам Гриф плешивым ангелом
грудь когтить и ясны очи выклевать
Нечесть зачади от Слова факелом:
Накось, Смерть, попробуй это выкусить

* Евгений Блажеевский (1947–1999).

** «время максимального абсурда нехотя но всё же настаёт», Ефим Зубков (1947–1976).

* * *

Елене Воиновой

Свечи горят. Столики в ряд,
Люди за столиками сидят.
Курят и пьют. Смеются.
Площадь похожа на блюдце.

Я присел на скамейку,
Чуть приобняв еврейку,
Как итальянку, Бродский
(Пятый пункт идиотский!),

Просто в Варшаве с Леной
Смотрим на пиво с пеной,
На свечи в плошках стеклянных
Среди голосов полупьяных.

Лондон-Варшава-Москва, 1991

* * *

Сергею Рыженко

Ест крыжовник Серёга Рыженко
у Серёги красавица жёнка
а ещё есть в загашнике жжёнка

Москва-Варшава-Москва, 1989

ШАРОНОВ ИЗ КНИГИ ГИННЕСА*

Лишь вспомнили мы об Электростали
Шаронов в гости «прикатил» на плов,
мы под чаёк деликатес умяли,
все планы обсудив без лишних слов.

Жаль, был первопроходец на мели,
т. е. без спонсоров, – не то б избрал маршрутец,
что проглядел кумир – Тур Хейердал,
и в книгу Гиннеса (с Шароновым не шутят!)
семи смертям на зло опять попал...

«Москва – Иерусалим» – лейбл на раме, –
«гонялся» «велик» по Святой Земле!
Шаронов в два качка «подправил» камеру,
и в миг умчал – ведьмак на помеле.

* Электросталец В. Шаронов попал в Книгу Рекордов Гиннеса, объехав СССР «по периметру» непосредственно перед его распадом.

В ОЖИДАНИИ КОЛБАСЫ

*Кошка Маруся на небо глядит,
Думает: вдруг колбаса прилетит...
Мысль, что бывают ещё чудеса,
Даже приятнее, чем колбаса.*

В. Друк

Мы пили с Друком спирт – с кем не бывало –
и, как его Маруся, в небеса
смотрели до упада, до провала, –
когда же приземлится колбаса?

Но небо на глазах у нас померкло,
решили, что ослепли, рухнув в ад.
...Нет, первая звезда зажглась, из пекла
Вернув в купавинский продогший к ночи сад.

...Друк, «припиваючи», давно живёт в Нью-Йорке,
любим в Москве и в граде над Невой,
но эрогенной зоной Марусю*
не объявляет, приходя домой...

* «объявляю Марусю своей эрогенной зоной» (В. Друк, «Коммутатор»).

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ В. В. БЕРЕЖКОВУ, ПОЭТУ И БАРДУ

Где живёт теперь Лужков? –
У британских бережков...
Ну, а Бережков Володя –
Джокер в козырной колоде!
Не применишь к нему мер –
Станет мэром или премьер-
(страшно вымолвить) министром!
В восхожденьи супербыстром
В чем, кумекай, истина:
В. В. Б. – брат Путина,
Тёзка Маяковского? –
Знай, Москва, таковского.
И не брат он, и не тёзка,
Но на нем вся БАРД-развёрстка
Держится, таков поэт
Даже в 65 лет!

ВРЕМЕНА ГОДА

*Мне всегда в преддверии весны
снятся эротические сны»*

Александр Петрович-Сыров

мне всегда в преддверии весны
снятся эротические сны

и в разгаре лета
думаю про это

и глубокой осенью
хоть хожу я с проседью

а морозною зимой
хоть не приходи домой

и в преддверии весны
брюки зимние тесны

и в разгаре лета
думаю про это...

* * *

*Зато мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей...*
(песня Ю. Визбора, ставшая народной пословицей)

Вот балерина у станка – голубка.
Вот токарь – лев,
Стахановского ради кубка
Железо точит, одурев.

А балерина со станком, похоже,
Давно на ты.
У токаря по красной коже
Потёки пота разлиты.

И балерина у станка потеет,
Хотя не так.
«Империализм» их воодушевляет,
Наш общий враг.

BACK in the USSR

Но вот грянула Перестройка, которую мы в какой-то степени тоже приближали. Как и всякая революция, она имела свою обратную сторону. Литва, Латвия и Грузия постепенно переориентировались на Запад, отрезав себя от языка-посредника: до этого их знали в мире именно через переводы на русский язык.

В культурное безвременье переводческое дело пришло в упадок. Ещё чуть-чуть, и стихи будут переводить так, как, например, моё стихотворение «У Брейгеля» в 91-ом перевёл кто-то из англичан на выступлении в одном из пабов Лондона: без рифм, без размера – чисто информационно, не подстрочник, конечно, но близко к этому. Как рассказывал мне Ричард Мак-Кейн, в доме у которого я останавливался, за переводы у них платят гроши, отсюда, считал Ричард, и результат. Впрочем, творческому человеку во все времена трудно, и когда в советские годы переведённые стихи надо было опубликовать, на пути стоял редактор, своего рода помощник цензора. Иногда происходили курьёзнейшие случаи. Вот три незатейливые истории из недавнего прошлого, связанные с переводами и моими стихами для детей.

МОЖЕТ ЛИ У ГУСЕНИЦЫ БЫТЬ МУЖ?

*В старой сочной сонной груше жила гусеница Шуша
и шушукалась: «Шу-шу, – грушу на себе ношу».
«Что ж такого, – утешал муж – старичок-червячок Шуш, –
Вон улитка носит целый дом – оттого и движется с трудом».*

«Стоп!», – редактор-консультант ударяет по канцелярскому, видавшему виды столу, – «где же Вы это видели замужнюю гусеницу? Так и до гусеничного секса недолго докатиться! А дети? Что должны подумать невинные крошки, когда мама или бабушка прочтут им такое? Наверняка спросят, откуда заводятся гусенята! Версия, что аист принесит, тут уже не пройдёт. Аист в клюве гусенёныша далеко не унесёт – обязательно схрумкает! Это уж точно. А дальше у Вас совсем плохо:

Утешает и трубку курит, да на солнышко глазки шурит.

Детки-то наши ещё и курить начнут. Так что тут одни только прищуренные глазки останутся. Да и занятие для мужа надо какое-нибудь другое придумать. Пусть в шашки сам с собой играет. Или лучше – в «Чапаева», бзиньк-бзиньк – и доска чиста!

Очень жалко бедную Шушу – на кого ей оставить грушу?

Ваше сочувствие лучшей половине человечества понятно. Но без отца в семье нет порядка. Молчите. Возразить-то нечего. Вон сколько этой безотцовщины расплодилось. А у Вас там дальше есть про гусенят? Нет. Ну, хорошо, читаем дальше:

*А постранствовать Шуше хочется, друг о дружку
лапки щекочутся:
«Уползём, – шуришат, – уползём через поле, лес, чернозём», –
так сказали и уползли – Шушу странствовать повезли.*

Прямо не гусеница, а пригородная электричка какая-то – здорово! Ну и ладушки. Главное теперь, чтобы Главный пропустил». Главный не пропустил. Время было такое...

LOVER

Латышских поэтов я переводил не щадя живота своего. И так близко к тексту, как это позволяла объективная разница между нашими индо-европейскими языками. Может быть, за все старания редактор отдела поэзии нового перестроечного журнала «Родник» Клав Элсберг предложил мне перевести Боба Дилана. В №3 за 1987 год, уже после трагической гибели Клава, вышли в свет мои переводы. Но каково же было моё удивление, когда я увидел, что кто-то из великолепно знающих английский язык латышей заменил мне в знаменитом «Блюзе третьей мировой войны» – «любовника» на «любовницу». «С любовником я прятался в клоаке» – стилистически оправданная по звучанию и контексту строка почему-то не прошла через ухо редактора,

искушенного во всех прелестях западной жизни. «*Lover*» – так было в оригинале – кто-то заменил на «*Sweetheart*». И, возможно, это был мой, умудрённый не по годам, Клав. По крайней мере, он значился выпускающим редактором. Но фамилия Клава была напечатана уже в траурной рамке... А этот номер журнала я храню, как добрую память о нём.

«БУРЬЯН ДРЕМУЧИЙ»

В № 11 за 1978 год в любимом многими журнале «Сельская молодежь», в соответствии с общим сельхозпрофилем и тематикой, на развороте в разделе «Антология одного стихотворения» был опубликован мой перевод из Стасиса Йонаускаса – талантливого литовского поэта. До этого этот же перевод опубликовали и в «Комсомольской правде Литвы», и у нас в «Комсомолке». И везде редакторы, не сговариваясь, делали одинаковую правку: заменяли эпитет «могильный» перед словом бурьян на «дремучий». В стихотворении речь шла о бурьяне, и, как оказалось, бурьян, с цензурной точки зрения, мог быть только дремучим. Но у меня – поэта-переводчика, да и у автора в оригинале дремучесть бурьяна не имела никакого отношения к той особой тишине и, пожалуй, даже мистике стихотворения. Мистика, по тем временам, могла быть у классиков, но ни в коем случае у «молодого», пусть даже и всесоюзно признанного поэта. Главный редактор «Сельской молодежи» был ещё и секретарем Союза писателей. Я надеялся, что после двух первых подмен, уж на этот раз напечатают эпитет «могильный». Но не дождался. И в третий раз бурьян оказался дремучим. И лишь в 1983-м, в уже отдельно изданной книге удалось опубликовать это стихотворение без редакторской правки (см. Д. Цесельчук «Непрерывный фотомонтаж», «Мастерская» – книга пятая, из литовской поэзии: Стасис Йонаускас, «Осыпались лютики, тмин отцветает...»).

Была ещё одна правка, но намного позже и уже моя собственная, ближе к подстрочнику, в последней строке которого было сказано: и прорастает подорожник сквозь ржавый топор. Из-за достаточно короткой длины строки в стихотворении многосложный подорожник «не прорастал» сквозь топор це-

лых 15 лет. И вдруг три года назад я проснулся с окончательным вариантом перевода последней строки: – Лён! Прорастать должен односложный лён:

«...Сквозь ржавый топор лён проклюнулся к свету».

А было:

«...И лист подорожника выбился к свету»,

что, в общем-то, неплохо, но нет ржавого топора! А вместе с ним и той могучей жизненной силы, взламывающей даже асфальт.

Стасис ЙОНАУСКАС

* * *

*Осыпались лютики, тмин отцветает,
За полем поют на закате пичуги,
И на воду ивовый лист облетает.
Все шорохи слышно, все видно в округе.*

*Здесь воздух настоян на стеблях аира.
Шепчу над рекой позабытое имя,
И здравицы слышу крестьянского пира,
Где жёны глядят за мужьями своими.*

*Орешника выщербилась позолота,
И небо сливается с лесом багряным,
И кажется, что окликают кого-то
Из чащи, пропахшей могильным бурьяном.*

*Но рожь отпылит — и охрипнет кукушка,
Толкуют старухи про эту приметку.
В предчувствии чуда — и лес, и опушка,
Сквозь ржавый топор лён проклюнулся к свету.*

Перевёл с литовского Д. Цесельчук

* * *

Наталье Ванханен

когда читает Ванханен,
я вместе с ней ни жив,
ни мёрт:
разнообразием фонем
переполняюсь;
словно чёрт,
от ладана шарахаюсь,
хотя совсем их не боюсь,
но все ж на милость им сдаюсь.

* * *

Лидии Григорьевой

Ты выбилась
За рамки жанра
Ты не писатель
Ты – Касандра

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЭПИСТОЛА

памяти Равиля Бухараева

Равиль и Лида. Лида и Равиль.
Григорьева – она, он – Бухараев.
Сбывается рождественская быль,
сугробы наметая у сараев.

Герой Равиля узником в хими-
ческом концерне процветает явно,
а героини Лиды лейкеми-
ей мучимы тоски, что жизнь бесславна.

Хотя, как поглядеть. Ведь Альбион
залог того, что оба не бастарды.
К Отечеству вполне приравнен он,
к тому ж у мажардомов бакенбарды

тут гуще. Поплотней туман. Хотя
я в Лондоне не разглядел тумана.
Равиль умён, но кое в чём – дитя,
а Лида стала строже. Как ни странно,

у почерка её столь плотный строй,
что не найдёшь ни трещинки, ни щели
Как водится, – лирический герой
характером схож с автором. На деле –

как однайцевые близнецы,
двойняшки ли, тройняшки – безразлично.
Пусть этим занимаются спецы,
а я же засвидетельствую лично,

что Лиду и Равиля по Москве
знавал достаточно. Ко мне на дачу в гости
съезжались Бертников и сопрану.
Саке пивали, на пленере «бросив кости».

Венок сонетов вешая на грудь
(тройной короной* щеголял лишь Лёша –
наш Эзра Паунд), знали – в звуке суть,
стихи читая не без выпендрёжа.

Мы с Лидою, вступив в один профком, –
Литфондовский (был Бертников в Худлите,
хотя о мелочах не помнит он),
стихами мерились – кто знаменитей.

О Бертникове (что ж он рвёт строку?)
скажу потом. Хотя его «веночки»**,
как сифилис прилипнут и ку-ку, –
дня, как Олеша, не прожить без строчки.

Должно быть, Лида, подцепив микроб,
смогла его унять пенициллином
живого слова, что не в бровь, а в лоб
читателю бабахает. И сплином

(тоскою по-английски) заболеть
ей не грозит. В эпистолярной драме
в рай нороя, в аду изволит тлеть:
«Я вам пишу, чего же боле... Странны

мне собственные мысли и самой –
сумела явь от сна отъять однажды...».
А Суперстоун? Кто он? Боже мой,
Неужто, муж! И, вправду, муж. От жажды,

как дура, изнывая над ручьем,
не ссучилась – а нить судьбы ссучила.
И тут Равиль встаёт во весь объём,
пусть небольшой. Но не напрасно была

* имеется ввиду тройная корона сонетов.

** венки сонетов.

когда то ухажера по башке,
улика – венский стул – в углу сарая...
Носил стишата Хлебников в мешке,
как зензуавер в небе замирая,

возможно, что застыв как зензувер...
Но я хотел бы «объяснить о главном».
Равиль, без спора, Главный Кавалер
и Кабальеро в исповеди плавном

течении. И не случаен ток
имён, фамилий, случаев. До кучи
добавлю – в ВТО* сплошной восторг
от сборника Григорьевой. Но круче,

чем тот удар, что, как сатори, вбив
сидение в башку, сберёт от дури
в безвестности закахнуть, был бы Миф:
уж мы пророем лаз в макулатуре

и вынырнем, настырные как мышь,
на божий свет с коротеньким романом.
Лишь был бы тыл надёжен. Скаты крыш
и гаражи подёрнулись туманом

пурги и вьюги. Вьюги и пурги
(хоть в этом поквитаться с Альбионом).
Всё ближе чьи-то хрусткие шаги.
Как Командор в метели – Суперстоун.

* ВТО – Всесоюзное театральное общество.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?
– ОСЕНЬ

ЖАР-ЦВЕТ

Ищу грибы в запретной чаше.
Стволы стеною за спиной.
Все чаще сердце бьется, слаще
Замшелый запах торфяной.

Травой укрытая дорога,
Где тень, как клинопись, хитра.
Жар внутреннего диалога
Испепеляющий с утра.

Кольнуло сердце – я исчезну,
И папоротника жар-цвет
В Ночь на Купала, канув в бездну,
Лишь пепельный оставит след.

...Какая лёгкая обуза
Болтающийся порожняком
На треть грибами полный кузов
И иглы под воротником.

* * *

месяца светел рог
прямо над головой
есть ли над нами Бог?
есть ли там кто живой?

если ответишь нет
я покорюсь судьбе
если другой ответ
кто нашепчет тебе

буду верить что да
Бог есть на небеси
звёздочки где со льда
и неземной клавесин

марки *Universe** вверх
голову задеру
нет не умру я весь
ну а не весь – умру?

если умрёшь крестись
бей до земли поклон
стоит взглянуть ввысь
жизнь разве не сон

в реинкарнацию
верить индусов блажь
дурочка *I love you*
где же Спаситель наш

спас бы нашу любовь
да уговора нет
на небесах вновь
ищем прямой ответ

если прямого нет
дай Ему телефон
месяца тусклый свет
льётся со всех сторон

сумрак упал в сугроб
целятся фонари
если положат в гроб
не навсегда умри

* Вселенная (англ.).

чуть погоди и стань
хоть Чеширским котом
завтра в такую рань
надо встать а потом

ехать в такую глушь
месяца жду ответ
твой неумный муж
сколько уже лет

что же делать тому
в доску кто забубён
верить в холод и тьму
там не желает он

сыщется ли ответ
на роковой вопрос
Рок он есть или нет
Необорим ли Рок

сколько ещё мне
видеть Медведицы ковш
жизнь уйдёт ну а с ней
смерти уйдёт ложь

месяца светел рог
прямо над головой
есть ли над нами Бог?
есть ли там кто живой?

* * *

Здравствуй новый, незнакомый,
неизвестный Новый год.
В гости я иду к знакомой,
выйдет – всё наоборот.

Я давно хотел такую
Розовую, как сугроб...
Я о суженой тоскую,
Тру в растерянности лоб.

Успокоившись на мысли, –
Новый год да будет сват,
я дарю знакомой кислый
в шоколаде мармелад.

Будет краля в шоколаде
и панбархате ходить,
а иначе чего ради
мне к знакомой заходить,

покупать подарки крале,
отмечать с ней Новый год.
В лотерею разыграли
Вы меня – хорош народ?!

Я для вас залог сюрприза, –
Без него хоть околейте!
Клоуну нужна реприза
Снега белого белей.

А тогда колпак не страшен
и пришитый бубенец...
Я иду, смел и отважен,
с суженою под венец.

ZERO

Перелистывая «Исход»,
вдруг обнаружил, что Н. Д.
расшифровывается,
как Нина Давыдова*

По-видимому, ниоткуда
приходят и любовь,
и робость.

Поскрипывает в ожидание чуда
раскрученный на раз
отцовский глобус.

Поставь на «ноль»,
будто бомбишь в рулетку, –
притормозит
в невероятном месте:

ZERO! ZERO!

Вновь втюришься в кокетку?
Или навек –
к нагаданной невесте!

* Поэма, написанная автором в 1990-1991 гг.

ВОДНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

*Мои поэмы шепчут имя
Твоё, танцую вместе с ними...*
Дом Мораэс*

1

Выравнивая слог и подстригая
Как вдоль забора дикие кусты
С рассудочным акцентом попугая
Пытаюсь говорить с Умом на ты

Или в пинг-понг в своем саду играя
С наследником пьянея от побед
Сустав от травмы не оберегая
Кручу топ-спины** в пушках*** толка нет

В угоду звуку смысл отодвигая
Даю нюансам лишь – зелёный свет
На светофор уставясь не мигая
Изобретаю вновь велосипед

Но только водный в этом весь секрет
Твой загадочный транспорт дорогая

2

Такую черепаху как тандем
Не приручить без верного партнёра
Он еле едет что известно всем
Как будто созданный для уговора

* современный английский поэт индийского происхождения, лауреат Хосордоновской премии.

** удар с сильным верхним вращением.

*** очень сильный плоский удар.

Пригоден для того чтоб на волнах
Качаться перед изумлённым пляжем
Не плесневеть же в четырёх стенах
В нём сходство есть с возком и экипажем

Короче он не вычурен как стих
Метафориста а приятен в меру
И главное что никому из них
В ум не придёт звук принимать на веру

Божественный скрип палубных колёс
Что доводил тебя до сладких слёз

3

Как у катамарана два баллона
Куда с лихвой накачан кислород
Кто величал бы палубой без стона
Не палуба а форменный урод

Точней уродец но тебе он мил
Ещё и тем что покрутив педали
Колёсами так взбаламутишь ил
Как «Хонда» не взвихрит песок на ралли

Без «пивечка» едва ли разберёшь
Какая рыба ходит в водоёме
Что правда изречённая? Что ложь?
Про тот феномен да во всем объёме

Поведал миру дипломат-поэт
Тому назад за сотню с гаком лет

Молчанье что красотка в домино
 Но глупости немерено в молчаньи
 Ведь кинолента и в немом кино
 Нуждается в известном «озвучаньи»

Что жизнь? – Про нас отснятый суперхит
 Немыслима без судьбоносных титров
 Но тайный смысл извив стиха таит
 Такой что поужасней рёва тигров

Молчанье – миф Озвучиванье – блажь
 Ничто не утолит тоски-печали
 Нам как матросам чайки прокричали
 Садись на двухколёсный экипаж

Жми на педали с думой о причале
 Судьбу вдвоём бери на бордаж

ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

К 7-летию брака с Н. Д.

В день взятия Бастилии
 Событья подфартили нам
 И развивались так
 Нам выдали свидетельство
 О браке (вид вредительства)
 У нас совсем не так

Есть перспектива в будущем
Что вместе будем жить ещё
Не разбежимся врозь
И штамп поставив в паспорте
Инспектор вот так здравствуйте
Забил по шляпку гвоздь

Семь лет семь бед отмерено
Мы говорим уверенно:
Брак этот не тюрьма
Хотя бывали случаи
Сходились и покруче нас
Но Бог лишал ума

14.07.07.*

О МИСТИКЕ ЧИСЕЛ

Четырёх семёрок сила
Говорит о многом
Ты семь лет меня любила
Подхожу к итогам:
Я трефовая семёрка
Ты пятёрка бубен**
Семью пять скажу без торга
Жить с тобою будем!..

* в этой «круглой» дате – 4-ре семёрки, т. к. 14 можно записать как 7+7.

** в «Фортуне по картам» дана классификация дней рождений по четырём мастям.
Моя «половинка» – это пятёрка бубей.

* * *

Хочу быть Марусей
сидеть у окошка
на птичек глядеть
как большая игрушка
на птичек
на птичек
на птичек глядеть
и дома сидеть
никуда не ходить
ну в случае крайнем
подпрыгнуть
взлететь –
Чеширским котом
над столом
повисеть
и снова
на птичек
на птичек
глазеть

КАЛУЖСКОЕ ШОССЕ

надчерице Марьяне

*Ты в поля отошла без возврата,
потому что фигура нон-грата*

Всё меньше за Москвой дорожных знаков
А сам пейзаж до боли одинаков

Поляница! – поля поля поля
Окрест исконно русская земля

Что немцы нам и что нам англичане
В строю – борт о борт как однополчане

Вдаль катим по Калужскому шоссе
Берёзы встречь – по лесополосе

А кончатся – и забушует ветер
И «мерс» погонит по шоссе как катер

Бензоколонки избы и церквушки
И бабушки в платочках – побирушки

Не все «с ладошкой» что кривить душой
И рынок вдоль шоссе вполне большой

Притормозили – выбрали калоши
И к водке огурцов – базар хороший

Гутарим с бабками о том о сём
И огурцы с калошами несём

Багажник вскинут – сложены покупки
И по газам даёт водила в юбке

«Мерс» полетел к родному обелиску
На «Флору» поворот а там уж близко

За полем на холме видна бытовка
И у крылечка – мягкая парковка!

АФРИКАНСКИЕ «ШНУРКИ»

Андрею Савину и Марьяне Давыдовой

*Папино – второй заезд:
взял на руки Мишку – съест!
Взял на руки Васю –
сразу нос расквасит...*

.....
*Маня, нам с тобой морока –
уезжала бы в Марокко.*

А из Парижа в Африку
летят «шнурки» на «Боинге».
Едят пломбиры с вафлями, –
с утра уже на допинге.
Трезвонят по «мобиле»
«шнуркам»: «Ну, как делишки?
Наш договорчик в силе:
бульон скормили Мишке,
овсянку дали Васе?
И отвечает бабушка
родителям-«шнуркам»:
Васёна у нас – ладушка,
для Мишки Аф-ри-ка
всех континентов ближе...
«Шнурки» пломбиры лижут
и в нимб иллюминатора
глядят сквозь облака, –
слоны и аллигаторы
видны им свысока,
те, раскрывают пасти,
показывая зубы:
«Приветик, гости, здрасте,
вас расцелуем в губы,
Е2 войдете в джунгли
и углубитесь в чащу,
стать черными, как угли,

белки у глаз тараша,
возможно за полмесяца!
...Шнурки»-деды повесятся
от радости, увидев
в дверях родных детей
прибывших из Марокко»...
.....
Уф!!! Кончилась морока!!!

ПЕРЕПЕЛЯТА

снег лежит покрытый коркой
будто сладкое безе
кошка спряталась за шторкой
на высоком этаже

вывелись перепелятки
из двенадцати яиц
с остальных и взятки гладки
не увидели их лиц

кто-нибудь да уцелеет
лета будем вместе ждать
тот из них кто посмелее
заводилой может стать

инкубаторских без мамы
вырастим перепелов
расторопны и упрямы
не роняя лишних слов

нацедим цыплятам воду
корм насыплем для птенцов
сколько здесь у нас народу
будем им вместо отцов

* * *

Ни на шаг не замедлить лета.
Мухи кружится аэроплан
над прискорбной долей поэта,
не вписавшегося в общий план.

День за днём, карауля дачу,
собираю свой урожай:
кроме собственного, двух в придачу
псов соседских, – хоть уезжай, –

Дуньку с дюжим сынком Арбузом –
благородных кровей помёт,
хорошо, что их кормят от пуза...
Муху лучше прихлопну влёт.

И тогда тишина наступит –
лишь компьютер жужжит слегка...
А в Москве меня вроде любят,
или чудится издалека?

Осеню себя крестным знаком –
а душа поёт – знать и впрямь
разногласий нет с Зодиаком...
Синий весь – оттого, что упрямя

и проплыл с утра километр
(а замерить – и полтора)
«вкруг бассейна» хваленый мэтр
позолоченного пера, –

кто-то ведь подарил мне «паркер», –
значит первопроходцем быть
право есть у меня, я – сталкер,
но не знаю, куда ж нам плыть...

Где ж ещё щеголять в бикини,
а на пляже так вовсе – ню...
Пусть любовь меня не покинет,
а покинет – так изменю, –

присосежусь к собачьей свадьбе,
преумножу свой урожай...
От разлуки что помирать мне, –
лучше сразу в тему въезжай,

мой компьютер, – взнуздаем время,
на экране запечатлим,
вот теперь ты, касатик, в теме –
в смысле «нестеровой петли».

Муху, жаль, не прибил, заразу
(но она ведь и не жужжит?),
сохранив от порчи и сглаза
эту хрупкую штучку – жизнь.

Ну, а что касается плана –
только общий удался план:
я на даче, – всё без обмана, –
мухи кружится аэроплан.

АДАМОВ САД

Хмурилось небо Готовилась задолго буря
«Эхо Москвы» сообщило о граде и смерче
Проливень брызнул и полушутя балагурия
Поразогнал облаков новгородское вече

Парит и ситничек сеется в дырочки сита
Но лишь верхушкам берёз достаётся прохлада
Лето в зените В июле уютно и сытно
Двум обитателям в дебрях Адамова сада

Змеи не водятся тут Лишь роскошная кошка
Бродит в траве стебли лапами переступая
Можно подкрасться и даже погладить немножко
Жаль для неё не доступен талант попуая

Не благоволил Господь запланировать чуда
Правда в Египте народ почитал их прабабок
Видно что всё понимает Упрямство откуда?
Ну говори! А не то запушу в тебя тапок

– Кошек не мучить, – вот первая заповедь Рая, –
голос окликнул из вишнемалиновой чаши, –
Вдруг за проступки, кошачье семя карая,
Бог присудил им молчанье, что ягоды слаще.

Разве не так? Разве кошек молчанье обидно?
И без того досаждают нам радиопытка...
Голос умолк Вишня слишком сладка очевидно
Тапок обут В рай как прежде открыта калитка

НА ТРОИХ

*Когда ленивому возможно,
Не опасаясь тяжких бед,
Ещё рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.*
А. С. Пушкин

Косточки сплёвывая персонажем из Пушкина
По заглохшему саду пройдуь без ботинок
И на косточках вишен цыганка-кукушка нам
На троих нагадает с Судьбой поединок

И ворона-шарманщик намелет с три короба
С птицами не сойдясь иммигрирует белка
За короткий визит заплатили недорого
Сотня шишек да сотня орехов – безделка

Постучав по сосне поскучав меж берёзами
Узкоглазку-акацию выглядел дятел
И долбит по дуплу Мы же метаморфозами
Потрясённые думаем: спятил приятель

Взять за ориентир отношенья с соседями
Клином вышибешь клин не покажется мало
То плывут вдоль забора забитыми сельдями
То трясут по участку дебелое сало

Перемирие кратко С войной интереснее
Тут забор передвинут Там вырвут крапиву
Им плодить помидоры Нам маяться с песнями
Ну а в праздники грех не ударить по пиву

Робинзоном живу на затерянном острове
Вместе с Пятницей-Ниной и кошкой сибирскою
Наш житейский корабль нуждается в острове
Что Судьбе не разбить с похвальбой богатырскою

Как виндсерфинг пропитан смолой эпокситовой
Спаян триумвират для похода за славой
А пока лишь бы были довольны и сыты вы
Набирайтесь силёнок живите халявой

Вишню белку с вороной и дятла с кукушкой
На троих и задаром у Бога канючим
Что случится Зимой с библейской опушкой
Знать того не хотим все втроём промучим

ЭСКУДО

Хорошо Хорошо ку-ка-ре-чет петух из рекламы
В телевизоре-крошке с домашней антенной для дачи
Настоящий петух – изваяньем буддийского ламы
Восседает в курятнике в общем содоме и плаче

Раскудахтались куры Растяжкались псы И записка
«Дима, мы у Володи» (А кто это мы?) испарится
Говорю: корнеплоды но ты уточняешь – редиска
Суждено ли с тобой хоть о малости договориться

Диалог у Платона – фатально расходится клёшем
И прическа твоя на шоссе словно сноп у Ван Гога
Если верен коан* о двоих – ещё многое сможем
Как покорно под шины «туриста»** ложится дорога

«Кама»*** вжалась в асфальт Обгоняя ревут «фантомасы»****
Если «велик» вильнет – «фантомас» сходу врежется в спину
Стоит с трассы сойти и начнутся опять выкрутасы
Не покину тебя Я тебя никогда не покину

Проведу на мякине когда оседлаю удачу
Как петух на нашесте воссяду – Купавинский Будда
Мы заходим в калитку Соседский петух ку-ка-ра-чу
Спел И просит смиренно у дона и донны эскудо.

* аналог платоновского диалога в дзэн-буддизме.

** марка велосипеда.

*** марка велосипеда.

**** так водилы называют рефрижераторы.

КРАПИВНИЦА

Сложила крылья бабочка,
Как хлопнула ладони.
Я в гамаке, и нет сачка, –
Тут уж не до погони.

Крапивницу за трапезой
Получше рассмотреть –
В бассейн, манящий бирюзой,
Сполз с гамака на треть.

Уж лучше в воду плюхнуться,
Чем ба-лан-си-ро-вать...
А бабочка затихла вся,
Готова пировать:

Вонзить поглубже хоботок,
Нектар всосать в брюшко –
Вот жизни крохотной итог.
На солнце – за ушко?

Нет, не отдам её врагам,
Прочь, трясогузок рать,
Что, прыгая по берегам, –
Готова всех сожрать.

Пусть, выпив свой аперитив,
Зигзагом взмоет ввысь.
Лети, счастливого пути,
А вы, пичуги, брысь!

* * *

В саду давно умолкли птицы,
Лишь дятел на сосне бубнит.
И две сороки – две сестрицы
Барбосу портят аппетит.

Таскают прямо из-под носа
Из миски трудовой обед.
И пёс поглядывает косо
На ту, что ближе, лая вслед.

Лишь побежит за ней, другая
Слетает к миске макарон...
Пёс носится – одну пугая,
А от другой неся урон.

Не проще ли над миской, Шонкин*,
Раскрыть пошире свою пасть,
Тогда не смогут две девчонки
Вообще хоть что-нибудь украсть?

Пёс огрызнулся: – Я от скуки
Дано бы сдох в твоём саду,
Когда бы не мои подруги...
Что ж, поточней переведу

Когда-нибудь тир-р-раду пёсью.
Но мысль главная ясна:
Ликуй же, опростоволосив,
А не рычи на всех со сна...

* Шонкин – производное от «солдата Чонкина» – прозвище пса Шона, исчезнувшего прошлой осенью с нашей дачи и объявившегося в военно-морской части... Дочь шутит: «Летом ждите Шона в погонах».

ИЮНЬСКИЙ ДИПТИХ

I

три месяца всего и где же лето?
ещё – сентябрь добавь (хотя смотря какой
вот май – холодным был земля была раздета)
а там и до зимы подать рукой
опять зима не хочется и думать
ещё стоит июнь и не было дождей
мёл тополиный пух но стоит только дунуть
пух одуванчиков взлетит и нет сетей
чтоб изловить все эти парашюты
вновь золотоголовые луга
зазеленеют – но пока разуты
и женщины и дети... А пурга
ещё не замела Ещё дорога
травой укрыта а не коркой ледяной
чуть-чуть понежиться ещё хотя б немного
(три месяца всего!) в тебе полдневный зной

2

птичка тенькает: тинь-тинь
полила жена лужок
должен быть хорошим день
просыпайся-ка дружок

каркает ворона: кар
а потом опять молчок
крылья мастера Икар –
солнце рядом дурачок

песенку с утра пропой
тинь-тинь-тинь прочисть гортань
или каркни или свой
уд для каверзы достань

просто так развеселись
наконец жену утешь
прилетел комар: дивись
как он молод как он свеж

раскатал свою губу
и твою лакает кровь
а у птички трель в зобу
про любовь всё про любовь

КАЧЕЛИ

Неба клочок сиз –
Полон листьями сад.
Осенью падают вниз,
Под ноги – прямо в ад.

Есть ли для листьев рай?
Так выходит – что нет.
Падают за сарай,
Чтобы дотла истлеть.

Если поднимет кто,
Встав под клён или дуб,
Вложит в гербарий – то
Лист ему этот люб.

Я же тебе не мил,
Тут уж, как не крути, –
Выбившемуся из сил
В рай не сыскать пути.

Мне, как и им, – тлеть,
Брошенным, предстоит:
С крон – осыплется медь,
Я – не буду твоим.

Как и они, ничей,
Неба увижу глубь.
Пить из твоих ключей
Будет кто тебе люб.

Ну, а пока сиз
Неба клоч над головой,
Слезу с качелей вниз
И побреду домой.

Помня, что виноват
Перед тобой кругом,
Молча вернусь в ад,
Дверь притворив в дом.

* * *

Кленовая ветка
в оконца террасы
стучится, нередко
сбивая нас с трассы, –

из кухни заходит
с подносом жена
и чудится ей,
что кивает она:

– Всё правильно,
чай подаёшь ты гостям,
но, если прольёшь, –
ни за что не простят...

На всплеск обернётся
хозяйка к окошку, –
там нет никого,
и покойницу-кошку

уж хочет позвать,
чтоб слизнуть молоко,
что вылилось на пол,
но та – далеко...

И не поднимается
мужа рука,
чтоб срезать строптивицу.
Издалека

протянется тень от неё
на закате –
но прихоть такая
приходится кстати,

и чудится нам:
тени кружат по саду,
с собой принося
неземную прохладу.

Так всё нереально,
и только она
кивает: – Не бойтесь, –
как друг, из окна.

И мы не пугаемся
бала теней,
фонарик берём,
на свидание к ней

выходим и долго
сидим на крыльце...
А утром – всё в том же
осадном кольце.

* * *

О чём печалишься, Нино,
как будто ты и впрямь грузинка, –
и чудится тебе лезгинка...
И маскарада домино?..

«НИНАГЛЯДНАЯ»
(сонет-уродец)

Опасно с красотой упорствовать до дна...
Мария Миронова

*«Опасно с красотой упорствовать до дна»,
беременна, – ещё родит уроду?..
Но сопредельному подвластная народу
урода «Нинаглядная»** одна, –
очей не отвести, – явилась ночью.
Я, урожденный по отцу поляк,
красавою был покорён воочию,
уродой кто нарек её, – остряк!..*

*«Пуглив ли Моцарт, если запретил
своей гармонии радение с медузой?
Но к красоте открыты краткие пути,
где истиной прямой приходится идти»,****

я в адюльтер вступлю с красивой-Музой,
чей макияж не тяготит обузой...

* красота (польск.).

** прилаг. ж. р., то же, что ненаглядная, но относящееся лишь к одной Нине.

*** цитата из стиха М. Мироновой «Опасно с красотой...».

У. Е.

*По воздуху плыл ожиданья дурман,
Когда ярче всех молния заблестала –*

*Бах
Фридеман.*

(«Баллада Бахов». Эгил Плаудис)

Уже гроыхало вдали, полыхало
за рощей, гремел громовержец-орган.
Услышал сквозь сон от мальчишки-нахала:
– Я – Бах
Себастьян...

Как чтили по лунной дорожке поэта
ушедшего в невероятный загул.
Да, кто в Поднебесной не помнит про это? –
Был пьяным Ли Бо и на воду шагнул.

А лунная дрожь под ногами сияла,
вся в рыбьей горячей огнём чешуе...
Услышал сквозь сон от мальчишки-нахала:
– Тебя обучу за 100 000 у.е.

– 100 долларов – и принесу тебе счастье, –
жена зазывала, на блюде неся
с водою стакан, излучая участие,
светилась до синих прожилок вся...

Хрусты накоплю, вещей сон в том порукой,
и мне позавидуют Бах и Ли Бо.
Жена, дав водицы испить, смотрит букой,
как будто бы я предпочёл ей Кабо.

Бесценен Талант (гнаться что за долларом)
его в старину, проверяли на зуб.
У Баха с Ли Бо подучусь и задаром
тебе свой талант отдам.

Твой однолюб

* * *

*Не хочу, чтобы ты был
садовником Мюллером
жена*

Я – не Мюллер я – Глен Миллер,
У меня большой пропеллер,
А ещё на попе – грелка
Я летаю, как тарелка.

Я – летающий тарантул.
Паучище Скорпион
Так разок меня шарахнул,
Но не победил и он.

Победила тарантелла –
Танец гибралтариян.
Там тарелка моя села
Прямо в море-океян.

И на грелке, как на лодке,
Пересек я Гибралтар,
Из горла хлебнувший водки
Супер-гипер-кибер-стар.

И, красивый как идальго,
Зазывал русалок в круг.
И плясала в море килька.
Я – не Мюллер.

Твой супруг.

ГАДКИЙ УТЕНОК

Зазывно стенает электропила.
Лишайник и мох заползли на берёзу.
Пчела, раскружившись, зудит, как юла.
Поэзия перелицована в прозу...

*– Для дома, – съязвила, – такие стихи, –
получше – похуже, как кинешь монетку...
А в Кинешме тоже поют петухи,
и кочетом лезет сосед на соседку.*

А в Бронницах – бронь выдают ездокам –
на скором ездай хоть до Владивостока...
За то, что я «дал петуха», по рукам
дала и навеки из сердца исторгла.

Выходит, расстаться настала пора
с мечтой, что талант пригодится на что-то...
Пила обскакала «восторг топора», –
но о Пастернаке и знать неохота.

Хотя он подобную боль перенёс –
был меченым критикой Дачником Вечным.
Поэта опального жалко до слёз,
но тяга сильнее к размолвкам беспечным.

У нобелеата потрогай стиха
почти что кирпичную звучную кладку...
Подушка его (не верь слухам) суха,
и ты не разыскивай в сумочке ватку -

вся краска на месте, а гонор и тон, –
как бляенье водопроводного крана...
Солью с безудержной пилою свой стон, –
присыпана солью открытая рана.

– Там многое нужно ещё изменить, –
вонзаешь вдогонку змеиное жало.
Судеб разрывается Парками нить,
когда поезда убегают с вокзала.

Свободный художник, – пишу, что хочу,
точней, что нашепчет капризница-Муза.
С женой посложней: что ни так – накричу,
а кием шару предназначена луза.

Но, если рассорились, значит в бильярд
такой доиграть не намерены оба...
Добро бы ещё бабник был или бард,
а так, что случится с «любовью до гроба»?

Военнообязанный клятву дает,
и женообязанный клятвopослушен...
Не смотрит жена благоверному в рот –
таблетку кладет. Приближается ужин.

Чего домогается стих, не пойму, –
развода по всей обязательной форме
за то, что встречают его по уму,
а он разъярён, как индюк на прокорме?

Надулся и гребень откинул со лба.
Ну, а для кого тебя пишет хозяин? –
Для Дамы, с которой связала судьба,
пускай и с далёких рязанских окраин.

Домашнею птицей не стыдно побыть,
но не индюком – лучше Гадким Утенком.
Тогда, если будет хозяйка любить,
тебя обесмертит в призвании звонком.

Когда же мамзель оскорбит, – поделом,
не сразу масштаб увеличивай мысли, –
красуйся в обнимку с добром и со злом –
висят два ведра на одном коромысле.

– И это пройдет, – утешал Эпикур,
ну, «дал петуха», больше не повторится...
Будь Гадким Утенком, и без синекур
лишь собственной доблестью сможешь гордиться.

Для лебеда пусть несуразен прикид,
но ведь и стихи вырастают из сора...
За Вечного Дачника вымучен стыд –
адью, мой читатель.

Мой критик, до скорого!

ПОГОЖИЙ ДЕНЁК*

Денёк последний лета,
Нам подарил Ян Порук, –
Он больше, чем котлета,
Вкусней, чем мёд и творог.

Он ярче, чем яичек
Пяток на сковородке.
В нём место есть для птичек,
И чресла есть для водки.

Нальёшь себе рюмашку,
Нарежешь помидор,
А Солнце, дав отмашку,
Ныряет за забор.

* название книги латвийского прозаика Яна Порука.

Что будет завтра? – Осень.
Все верим в это мы.

Но мы её попросим,
Не бередить умы.

Не тратиться на ливни,
На слякоть и т. п.
Что может быть наивней
Прогулки по тропе?

Пора окликнуть август,
Что на носу – сентябрь,
Пусть Порук лета благость
Нам возвратит хотя б.

ПОРУКой тому будет
Погожий тот денёк,
Что я из-под обложки
На Божий свет извлёк.

УРОК СОЛОВЬИНОГО ПЕНИЯ

Я знаю – в столичных парках
сосчитаны все соловьи.
Вернувшись из стран жарких,
Они вновь твои и мои.

Я слушаю их в упоении
В саду нашем в первый раз.
Урок соловьиного пенья
Проходит только для нас?

Но нет – вслед за малышами
По веткам дрозды снуют
И слушают их вместе с нами,
Как те свой концерт дают,

Выводят рулады и трели,
Дроздов не слышны голоса.
Вороны и те присмирели
В последние пол часа.

Все увлечены уроком –
Мы бросили свой пинг-понг.
Стой под соловьиным током,
Пока не отпустит гонг

Какого-нибудь происшествия, –
Умолкли в заката час...
Мы будем ждать их пришествия,
Чтоб вновь обучали нас!

БАБЬЕ ЛЕТО

I

В Купавне – благодать.
В столице в бабье лето
Вы будете страдать,
В мечтах блуждая где-то.
Сейчас китайки плод
Ещё немного вяжет,
Ах, сколько в прошлый год
Созрело чудо-ягод,
Точней, – микроплодов,
Специально для варенья.
Не пожалей трудов –
Прекрасное мгновенье
На миг останови –
И воцарится вечность.
Француз бы се ля ви
Сгундосил. За беспечность
Я не люблю их род,
Их квазимод химеру...
А русский-то народ,
Вот Пастернак, к примеру:
– Какое, – вдруг спросил, –
У нас тысячелетье?
Где ж чёрт тебя носил –
Любое лихолетье
Переживёт народ,
Живя на диво долго,
Чтоб вспять свой поворот
Не совершили Волга,
Обь, Лена, Енисей, –
Секир-башку Сибири
(Да и России всей)
«Мурзы» б не учинили...
Жаль, – пересох Арал,
Зато в Купавне – славно.

Не выкопан канал –
Он доконал бы в главном,
Чуть-чуть бы и срослись
Диктатора задумки.
Читатель, не озлись,
Взляд оторвав от рюмки,
Вздохнув: на кой же ляд
В догон политзанятья?..
У жён глаза горят, – ...
Все лишнее изъять бы, –
Гармонии итог
Накроет с головою.
Будь во Вселенной – Бог.
А небогов – урою
И, наконец, сварю
Варенье из китайки,
Мурлыча: «I love you»
В натальной белой майке
С эмблемой «бундесвер»,
Что подарила дочка.
С берёзы срежу, Herr,
Опят осенних... Точка
Возможна. Но славян
Языческий Ярило
Сам в бабье лето пьян,
А в картридже чернила.
Ещё в достатке. Бог,
Не по-сентябрьски тёплый,
С утра развеял смог
Под солнцем цвета свёклы
Велик, как никогда.
Пусть бабье лето в Лету
Не канет без следа! –
Лишь жёлтые монеты
Ей под ноги бросай –
И вечность воцарится...
Потом замрут леса,
Чтоб разом обвалиться,

Через недели три,
Смогли на землю кроны,
Ну, а пока, смотри, –
Задумки их укромны,
Они живут одним:
ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, а было
И будет не для них –
Такая в кронах сила.
Что ж осыпаться в раз
В сентябрьскую окрошку?
Не для отвода глаз
Стоят, не понарошку, –
Заглянет кто на час
Хотя бы в эти кущи,
Тому медаль вручат
И «ценный приз» для кучи.

.....

За цацку – гран мерси.
Осеннюю медальку
На лацкане носить,
Я буду, как идальго.
Поставлю ценный приз,
Как вазу, на комоду,
И обниму вас, мисс,
При всём честном народе!

II

У дев глаза горят –
Про зев спроси гадалку.
Куда ни бросишь взгляд,
Кидать туда же палку, –
Когда ты юн и лих,
Красив и безотказен,
Или находит стих
Такой, что сад прекрасен,
Где Ева и Адам
Сошлись по вдохновенью, –

В мои года не дам,
Скомандовать мгновенью
Замри, как тот герой, –
Уже не хватит пыла.
Жизнь тот же долгострой,
А у меня всё было.
Скорее: повторюсь!
И чёрт с ним, с плагиатом.
Закончу тот же курс,
Где брат мне каждый атом,
Молекула – сестра
Я с ними лажу миром.
Как прежде, жизнь пестра,
И по мячу бью пыром,
А он себе летит,
Как на Нептун ракета...
Приходит аппетит
Собачий в бабье лето.
Кто ж съест моих опять
Не хочет сковородку?
Они уже шипят,
И просят под водку.
Всё к чёрту, – юбочка
На ножке балерины,
Нос морщится в очках
Слог просится былинный,
Грибам слагают гимн,
Жарёнки дух почуя.
Читатель, извини,
Опят собрать хочу я!..

Опять остановись
Мгновенью шепчешь, Фауст!
Уносит дьявол в высь
То, что ему досталось,
Выходит, задарма –
Мою в восторгах душу.
Да, я сошёл с ума,

Но пакта не нарушу,
Он честен – это факт.
Ах, если б не сентябрь,
Я б подписал контракт,
Иль договор хотя бы.
А так вот – на пари,
Без всяких оговорок...
Выходит, се ля ви,
Был жизни смак мне дорог.
Настолько, что, увы,
Я потерял свой разум –
Езда без головы
И в старости – маразм?
Игра завершена,
Проиграны все ставки,
Но бабье лето на
Я не пошлю, в удавке
Уютно угнездясь, –
В неё подвешу кресло,
Чтобы сидеть крутясь,
Вольно раскинув чресла,
И выдумать для вас
Ещё один рассказец.
Легко танцует вальс
Модель на VIP-показе.
Я, как она, хочу
Вас удивить премного –
Вот и кручусь строчу
Стихи во славу Бога...
В Купавне – благодать,
Не отнял дара дьявол.
И я готов страдать,
Укрывшись одеялом
И бросив в ноги плед,
В сентябрьской холодрыге,
Хотя я стар и сед –
Легки мои вериги.

* * *

Бродят по Тарусе петиухи да гуси...

Н. Заболоцкий

В Купавне – хоть куда. Но и в Тарусе –
Храм над Окой возносится высок...
Одна беда, будто цыгане, гуси
Гогочут, норовя щипнуть стишок.

В Тарусе гуси до смерти щипают,
Зачем, Господь, ты дал воякам клюв?
Гляди-ка, как они переступают,
Твой слог им, видно по всему, не люб!

Воздел вожак под среднерусским небом
Оба крыла, издав короткий клич!
С буханкой шёл, так откупайся хлебом,
А так – ты просто человеко-дичь.

Задобрить нечем – так спасайся бегом,
И не трусцой – тут выручит галоп.
Ты станешь первым коне-человеком,
Из-за стихов не всякий ляжет в гроб.

НАЯДА

Уподобившись наяде
ты уходишь к дому
в летнем голубом наряде
будто бы к другому
Обернёшься и улыбкой
озаришь полсада
в голубом наряде зыбком
что сидит как надо
Шлют поклон тебе берёзы
и сосна-двойняшка
и мусатовские розы
хороша рубашка
Чуть-едва касаясь тела
куполом нисходит

На глухих болотах дева
вот в такой же ходит
Как блуждающий фонарик
водит за собою
нет таких кого одарит

и бредут гурьбою
Засосёт кого трясина
а кто так загинет
Своенравна и красива
Кто такую кинет

Вот и ты стоишь покуда
к нам вполоборота
жаждем неземного чуда
золотого лота
Проигрыш наш неизбежен:
ты уходишь к дому
в голубом прикиде нежном
будто бы к другому

МАЯТА

На подиуме бассейна
качаюсь в кресле качалке
Мне полнолуныя тени
нашётпывают как гадалке:
до неумолимой осени
осталось всего два шага
Августа жёлтые проседи
уже впитала бумага
Сквозь облака перистые
глядят нечастые звёзды
Как пиво в груди пенится
забористый свежий воздух
А звездопад обещанный
всеведущими синоптиками
низвергся потоком бешеным
край неба нарезав ломтиками
Отменна такая «закуска»
к холодному пиву-воздуху
Сюда б соловья из Курска
чтоб волхвовал без продыху
В июльской жаре птицы
петь давно перестали
и у людей лица
от грусти длиннее стали
С ликами лошадиными
покусывают друг друга
а всё что необходимо им:
светоч лунного круга
да звездопад на дольки
вспоровший краюху неба
да и всего ещё столько
кроме вина и хлеба
чтоб до урочного часа
стариться под сурдинку

Маятником качаясь
кану в сентябрьскую дымку
Вспомнив «Весну» Боттичелли
дюреровские гравюры
словно «Ван Вэй на качелях»^{*}
в небо взлетая юным
Пена узор прибоя
лишь звездопад схлынет
отождествит с тобою
и на песке остынет

^{*} гравюра в сборнике Ван Вэй, подаренном мне Акимычем (Аркадием Акимовичем Штейнбергом), на которой он оставил напутственную надпись ученику.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬДОГ

ФАН-ФАН ТЮЛЬПАН

Копоть с ресниц можно (от паровоза)
белым платочком смахнуть кружевным.
Алый тюльпан (ну откуда здесь роза?)
вырос во рву словно пика прямым.

Стоп шатуны! Машинист со ступенек
прыгнув, нырнул головой в лопухи, –
дикий тюльпан увенчал его веник,
с узкоколейки попавший в стихи, –

будто увит виноградной лозою
встал на подножку весь в цепких репьях.
Словно соринка из глаза, слезою
смыт эпизод, – сходится наш пасьянс.

– Трогай! – из жёсткого вырвалось горла –
вдарил шатун колесу под кадык,
вытянулась пса бродячего морда, –
алый тюльпан рдел как пёсий язык.

ДВОЕ

Из-за
в целлофановых скафандрах
движутся двое.
У седобородого в руках
Крива изогнутая фанфара,
на втором – фартук
и бездонные синие шаровары.
Они медленно развеваюся за ним,
как и полагается у человека,
идущего в толще воды.
Первый начинает останавливаться
и, придвинув фанфару к губам,
выплескивает стаю увядающих пузырьков.

Товарищ его разгневанно булькает.
Тогда, тужась и всё больше радуясь в щеках,
первый выдувает огромный вертикальный овал,
и, соединенный фанфарой с овалом,
не выпуская фанфару из рук,
как рюмка с синего подноса,
начинает подниматься вверх
всё быстрее и быстрее,
всё быстрее

МОНОЛОГ ДОННЫ АННЫ

Поведу своего Дон-Жуана
Строить новый любви очаг.
– В этот раз будет всё без обмана, –
Думай, милый, – как бы не так!

Без обмана любовь – пустышка, –
Покупай её хоть за грош.
Строит замок в песке сынишка.
Милый, что же ты не идёшь?

Ближе, ближе шаги командора,
Всё слышнее каменный шаг.
Руку он сожмёт твою скоро, –
Шум предобморочный в ушах.

Мы с тобой расstaёмся навеки,
Но недолог каменный век.
Вновь любовь разожмёт мне веки,
Ведь любовь твоя – оберег.

И начнём тогда все сначала, –
Обжигает живая плоть.
Сердце, вздрогнув, вновь застучало,
Жизнь опять в нас вдохнул Господь.

И очнувшись, как от поцелуя,
Жду тебя одного, Дон-Жуан.
Снова, вспыхивая и негодую,
Свято веря в любой твой обман.

«ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПАРИЖЕ»

Тинто Брасс покруче Бертолуччи
поживей посовременней что ли
экзистенциальнее короче
не зануден как уроки в школе
В философии Камю и Сартра
кто главнее – им видней с Монмартра
экзистенциальной цитадели
колыбели близости фатальной
Из секунд как секонд хэнд бестселлер
о любви оральной и анальной
перетрансформирован в сценарий
Всё случайно в нём и всё для случки
ждёт гостей парижский колумбарий
и летят как мухи на липучки
Пуля в животе Балкон в Париже
на балконе в позе эмбриона
труп героя Черный и бесстыжий
треугольник – муж любовник Зона
эрогенно-философских реплик
дохлой крысы пухленькая тушка
По щекам свою невесту треплет
тележурналист болтун и душка
фильм снимая о своей невесте
чьей не пощадил убитый чести
даже брюк не снял Наполеона
переобезъянничав замашки
А невеста подставляя лоно
и навазелиненные ляжки
как банальный киллер поступила

за любовь приятеля убила
Я бы рассказал что было дальше
если бы не трупный запах фальши
если б не «Последний император»
бертолуччиевский куратор

О единственный в мире вещдок –
миг – экзистенциальный бульдог.

* * *

И утром и вечером в диком загуле
Грузины с грузинками едут в Зугдиди
Пьют Хванчкару они Напаринули
Лезгинку танцуя в расхристанном виде

Касаются паха грузинок кинжалы
Расстелены бурки на острые скалы
Под Демоном так же Тамара лежала
И хмурили брови отцы-аксакалы

Царица Тамара Владычица Нина
Мне нравятся женские чары и козни
И узких кувшинов поющая глина
С вином обрученная в час этот поздний

Кавказ подо мною Один в вышине
Стою над ущельем глубоким и дики
Все мысли о девах земных при луне
А ветер доносит стенанья и крики

Из Джвари где высится каменный храм
Неужто и вправду послышалось ржанье
Там сам Цыбулевский* с грехом пополам
Коней белокрылых ведёт на закланье

* русский поэт, живущий в Грузии.

Надежда и Вера и с ними Любовь
Как правильно мэтр заметил лишь бабы
Но это вино не Христова ли кровь
А мы без него и без них слишком слабы

О Лермонтов с Пушкиным что вы забыли
На этих в папах тумана вершинах
Вы так же кутили и весело жили
И ждали шофёры вас в чёрных машинах

Пока не приблизилась тень катафалка
В вас преобладало начало мужское
А Веру Надежду Любовь как ни жалко
До лучших времён оставляли в покое

Началу мужскому хвалу воздаю
Но скучно без женщин в бою и в раю

* * *

стоят красавицы-девки
ветер прижимает платья
на лобках упругие дуги
руки сжёлтневшие в объятьях

* * *

глажу женщину с нежной кожей
щурюсь с глупой улыбкой на роже
а хозяйка кожи зевает
хорошо себе цену знает

* * *

девчушки в брючках полосатых
магнит двух ягодиц
всё меньше над землей носатых
усталых птиц

летят по небу чемоданы
с колесиками на шасси
затиснутые в джинсы дамы
в плоть врезавшиеся трусы

тугим натянутые луком
лобок – напополам
и виден хорошо без лупы
коварный план

* * *

Дала Лайма
Далай Ламе

* * *

Халат расстёгнут медсестры
две пирамидки так остры
торчат её соски как шприцы
дотронуться бы до сестрицы

* * *

Качаясь будто маятник,
Лежишь на мне, как ёж;
Вот хобби моё: хоботом
В тебя, как хоббит, вхож.
Кто там, во тьме молекул
Раскачивая плоть,
Владеет человеками? –
Лишь ты, Господь!
Качаясь, словно маятник,
Лежишь на мне, как памятник,
Будто могильный камень.
Амен!

ФОТО С ОЗЕРА РИЦА

на озере Рица стоит мальчуган
с единственной мыслью о друге
пай-мальчик и вовсе он не хулиган
хоть в брюки засунуты руки

самшит раскрошится и камень умрёт
автобусы по серпантину
вернутся в долину Он как идиот
вмурован навечно в картину

где озеро Рица лежит за плечом
и брюки из чёртовой кожи
где снег по ущельям весной не течёт
а только желтеет похоже

* * *

Как поживаешь дзэн-буддист
чудак потомственный нудист
слепой последователь Берна
зачем тебе в канале сперма
для онанизма и поллюции?

Для сексуальной революции!

* * *

Рябой прибор необорим и мелок.
Как нежен юг. Ласкает ветерок.
Лежу у ног двух офигенных целок,
Дав их оберегать себе зарок.

Как сестрам, я ласкаю грудь и ляжки,
Как будто в шутку делая массаж.
О, как они визжали, две бедняжки,
И оборачивался черноморский пляж.

О, девственницы юга, мы друг друга
Любили нежно в восемнадцать лет,
Был неизвестен нам ещё менет,

Но оттопыривали груди туго
Купальников пластмассовых два круга,
И поцелуй горчил от сигарет.

СМОРЧКИ

А земля в лесу сырая в мае –
этот низенький пенёк нас спас,
а сморчки, бесстыдники, глядели
из-под каждого куста на нас:
– Что затеяли они там, в самом деле? –
Ты с коленей спрыгнула моих
и в корзину покидала их.
А потом головки сморщенные ели...
Как, поджаренные, на зубах хрустели.

* * *

Вихрь метёт невыносимый,
Ходят бабы на сносях.
Если б вихрем всех сносило,
Кто бы думал о сисях?

Кто до одури о штучке,
Что повисла между ног,
Думал, пересилия муки, –
Только Фрейд-охальник мог.

Не забудь и о Родене –
О его «Мыслителе»,
Кто, как иллюстратор к теме,
В Вечность взмыл на помеле.

Помело моё – мочало,
В пах закрученный шуруп,
Ты бы лучше не мычало,
А кобыл бодало в круп.

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

М. Д.

Во двор ворвавшийся сегодня
мусоровоз, –
как старая горбунья-сводня,
мой ум увёз

куда-то за город на свадьбу
свиньи с козлом...
Его бы к дьяволу послать бы...
за меньшим злом.

Там у обочины во мраке
костёр зари
лизнут две хищные собаки...
Мой ум: «Умри,

не более того (Шекспиру
потрафь), усни»* ...
В овраг швырнув Орфея лиру,
Марш на пикник!

* ...To die, to sleep, no more – из монолога принца Гамлета («Гамлет», У. Шекспира, перевод мой и, так уж вышло, Великого князя К. Р.).

МОДЕСТ

Домового игра, а зачинщика нет, –
Кто ж скобу двери отогнул?
Из июльского улья пьёт Леты мёд,
На неделю ныряя в отгул!

«Гёрлз» по вызову, стол, накрытый в саду,
Буги-вуги и рок-н-рол,
Бедный Йорик, соседи, пробыли в аду
До утра и каждый был зол.

Обещал Участковый: – Возьмём по звонку,
Уж тогда – с поличным, мадам,
К самому хозяину, а не к сынку,
Вежливо обратимся: «Sit down?!».

Он, хотя не зачинщик, но ведаёт кто
Учудил вакханалию тут –
Господин в несусветном до полу пальто,
Не страшит его Господа суд.

Он, блистая наколкой, как рак клешней,
Лишь твердит: – Не ищите драм –
Вам такое задаст Модест – ё-би-ёй,
Всем такой учудит та-ра-рам,

Не покажется мало. А, что до сынка, –
Домовой – один на двоих!
В щель, что между мирами, как бритва, тонка,
Удивив, засунь этот стих.

Зарифмуй с девицами трах в гамаке,
На дровах, – всё-всё опиши,
Ведь любовь – когда скальпелем – пирке,
Но вокруг, чтобы ни души! –

Для души, уходящей в подкорку порой, –
Был Модестом устроен цирк,
От такого секса – один геморрой, –
Не годятся гуляки в отцы.

Ковш Медведицы полон звёзд по ночам,
Раскачался над головой.
Ну, а что Модест? – По башке постучал, –
Череп заговорил, как живой!!!

ПОНЧО

Ты похожа на лошадь в попоне
Хотя кошки вовсе не пони
А сибирские – даже не яки
Хоть мохнаты как звероманьяки

* * *

В один и то же день
Любил двух разных женщин
И с каждой был судьбой обвенчан

И Первая спросила как с Другой
Становится набухший и тугой

Не спрашивала ни о чём Другая
Лишь стала обмывать его нагая

От ласки – словно камень затвердел
Я на неё глядел

И в тот же день
Из головы моей Христос
Как дерево безумное пророс

И я увидел – был он человек
Но только в свой недостижимый век
Когда ещё не помнили Христа
И даль была пуста

* * *

Е. Б.

истеричку ущипнул за попку
с этого и начался роман
дёргалась щека неделю в топку
страсть швырял как уголь обуян
весь негодованием не зная
занесёт куда меня в сердцах
а она ушла с другим хромая
рассуждая вслух о подлецах
хромота прошла утих мой тик
изредка ещё моргаю глазом
но уж не заходит ум за разум
к прежним не вернёмся мы проказам
я уже почти седой старик
а она полнеющая дама
как дитя настырна и упряма
но порой упорна и пряма
знает чем сводить людей с ума

ущипнул? не помню хоть убей
клювом как паршивый воробей!

ТУМБОЧКА

Дерево продолжает жить и в распиленном виде
но не растёт как кристалл Распространяя запах
в ноздри шибая своей предысторией от Мезазоя
до нашей эры Кто же придумал живых закатывать
лаком: лиственницу и берёзу сосну и красавицу
пихту Спите в гробах хоть они не хрустальны
А всё равно доски рвутся на волю распространяя
амбре стойкое как пот воинов перед боем клейкое
словно смола терпкое как хранящая жизнь сперма
желтея словно пергамент или темнея в зависимости
от сортов древесины Лишь о Карельской Берёзе и
Красном Дереве не скажешь старятся как и о Буке
и Грабе В святцах – за тысячу разных имён но о Баобабе
хоть кто-нибудь знает? А о Баньяне молчу – целая
роща с сотней штыков-стволов на разросшемся корне
...Тумбочки аромат вдыхаю лёжа на ложе Гетера
трудится молча Стекает пот как смола застывая
на вздрогнувшем теле

ВТОРАЯ ПОДАЧА*

Не согласна с назначенным телом душа
не признала своими чужие привычки
быть мужчиной не хочет и не хороша
даже крайняя плоть для упрямой жилички

Предстоит Навратиловой тренером стать
свой талант игрока передав лесбиянке
в Уимблдонском турнире законно блистать
бриллиантом ещё небывалой огранки

Чеслав Милош** открывший что «разум пленён»
из Варшавы бежал не избавясь от плена
А представьте себе что он стал бы панен-
кой какой произвел бы фурор непременно

* * *

Хирургический нож переноса отсёк
от паненки три буквы и новое слово
«кой-какой» появилось – так Яма: и Бог
из «Ригведы» и Бездна – как Первооснова

Из такой пустоты извлекла нас на свет
Мать Вселенная – что о различиях пола
горевать если Вечного Разума нет –
только сила Мечты и двоичность Глагола

* худ. фильм, героиней которого стала теннисистка Навратилова, многие годы занимавшая первую строчку в мировой классификации; согласно сюжету, героиня меняет пол, чтобы и среди мужчин стать первой.

** Чеслав Милош - автор книги «Пленённый ум», оставивший свой диппост в польском посольстве на Елисейских полях ради, как оказалось, будущего Нобелевского лауреатства.

и Свобода превыше чем даже Любовь
шанс вложить мастерство во вторую подачу
Взмах ракетки Мгновенья пульсирует кровь
и «Утраченный рай»^{*} возвращает на дачу

* * *

Поиграем в пинг-понг? – Поиграем Тетрадь
полетит на кровать Сеть натянута туго
Ты научишься мяч хитро поданный брать
и поймешь что партнёр только видимость друга

Жизнь такая же схватка но только до слёз
тысячи заковык и рогатины в ямах
Да игра но другая где платят всерьёз
и наличную плотью всей в шрамах упрямых

Что же дальше? – Обед отодвинет пинг-понг
За мытьём бесконечных кастрюль-сковородок
съедем с дачи под августа медленный зонг
в Никуда Обращайтесь в Агентство находок

Для души неизбежной всего – Эпилог
и бунтует она отрешаясь от плоти
А в итоге в созвездьях зачатую Бог
жизнь на Землю роняет в коротком полёте

* * *

Снова Митя и Нина и даже их кот
или кошка начнут житие на планете
Ну а не изменишь генетический код
вновь родятся такие же в точности дети

* поэма Мильтона.

Вот что если б смогла она заговорить
рассказала душа Но в легенды и мифы
кроме этой пожалуй: «быть или не быть»
не поверю садясь как на вилку на рифы

раздвоенного словно у змей языка
мне хватает вполне его жаркой гримасы
А тому кто задумал наш мир на века
лучше сдачу считать за полшага от кассы

потому что любой беспокойный клиент
может пол изменив Уимблдоном польститься
Проще маленький теннис где можно под тент
от назойливой славы как гриб угнездиться

* * *

На грибную охоту выходит Грибник
Вот и время пришло для Агентства находок
Как «Вернувшийся рай»* сад наследный велик
и поэт не единственный в нём самородок

А берёзы? А Нина? А кошка чей нюх
На креветок особенно смог обостриться?
А соседские куры? А кучер петух
Что чуть свет на наседок спешит взгромоздиться?

Наконец телевизор где столько чудес
Замечательный фильм про вторую попытку
душу разбередивший как призрак исчез
А Грибник снял с гриба прилипалу-улитку

Что ещё попадётся ему в кузовок –
Может быть обо всех нас узнает полмира?
Есть в запасе у Музы изящный кивок
и улыбка Джоконды Сияй же Пальмира

* поэма Мильтона.

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

* * *

В тумане блуждают трамваи
Как пальцы по струнам моста
И перекликаются стаи
Октябрь настал

Прохожих встревожены лица
Врезаясь в туман ледяной
Над городом кружат птицы
И крылья звенят за спиной

НАД ЛИКОВОЙ ИЛИ САНАТОРИЙ ВАЛУЕВО*

Тут круче склон – быстрее воды,
Заснеженной прудов каскад.
И этим воздухом свободы
Дышать я бесконечно рад.

Над Ликовой проходит лыжник,
Ликуя, пёс бежит след в след...
А Мусин-Пушкин, чтец и книжник,
Из вечности им шлёт привет.

Вон там, где лодочная пристань
И жёлтый, с веслами, сарай,
Махая вёслами неистово,
И я вплыву за ними в Рай.

* граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин после московского пожара 1812 г. и гибели оригинала «Слова о полку Игореве», тяжело больной прожил последние годы в своей подмосковной усадьбе Валуево, продолжая и там собирать книги и рукописи.

В ВАЛУЕВСКОМ ПАРКЕ

Шоссе блестит на повороте.
Прокаркал ворон never more.
А мог бы петь, как Паваротти,
Будь соловей он, а не вор.

В былинах соловей-разбойник
Свистал у дуба на суку.
Читал: «Пойдешь налево, – конник, –
Направо – всё одно – ку-ку!».

Как золотую середину,
Мы выбрали крутой маршрут,
Гуськом спускаемся в лощину
За санками, что мчались тут.

Чуть-чуть подскользывают ноги,
Но вот к реке закончен спуск,
А след исчез на полдороге,
Но манит ивы голый куст

И пристани под снегом остров,
И жёлтый давешний сарай,
Где лодочники сушат вёсла,
Храня там прочий инвентарь.

Мы не дошли туда по насту –
Вот так растаяла мечта
Приладить парус свой на мачту.
Что жизнь без паруса – тупта.

Успели вовремя к обеду,
В срок завершили терренкур...
Я с этой горки завтра съеду,
Хотя и будет чересчур...

НЕДОТЫКОМКА ИЛИ МЕЛКИЙ БЕС

Хмурое утро Набух от дождей разлохмаченный сад
Что-нибудь вычудить переиначить хотя бы на время
Калейдоскопа деньков августовских приятный расклад
мелкого беса расстроило подлое чёртово семя

Весь побелел я когда на «лесном волейболе» нога
щёлкнула в пахе обмякла Расселся почти на шпагате
Значит обрыдло трудам предаваться Подался в бега
чтоб не мостить по житейской трясине надёжные гати

Верит народ: на торфяниках водится дух Водяной
как светляки зажигает глаза над цветущею ряской
За огоньками грибник проплутает весь день А иной
даже в свой дом возвратясь все углы перекрестит с опаской

Переусердствует малость ведь страж очага Домовой
о приключившемся ведая гонит с порога собрата
Не покалечась хозяин вернулся с охоты грибной
только вот ног под собою не чует – обмякли как вата

Полное сходство с моей «деревянной ногой»^{*}
Недотыкомка-бес
не Водяной а иной накликающий ужас и травму
оторопев от удачи в моё распростертое тело залез
и затужил взаперти человека пригубив отраву

До раздвоения личности дело навряд ли дойдёт
Договоримся что бес в общем теле такой же владыка
Только пока Недотыкомка сеть из подлянок прядёт
Мне ничего неизвестно о них до внезапного вскрика

^{*} «деревянная нога» – одна из социальных игр, экзистенциальное преимущество которой заключается в сложении с себя ответственности за происходящее: «Чего вы ждёте от человека с костылём?». (см. Э. Бёрн «Человеческие забавы»).

SELF-PITY*

Какая дьявольская блажь
жалеть себя из-за инсульта
О Господи меж зенок вмажь
из головы повыбей дурь-то

чтобы гнездо в ней свил сквозняк
такой весёлый ветерочек
пусть продувной зато верняк
Неуловимым станет почерк

В диагнозе – микроинсульт
важна тонометра ремарка:
пока улавливает пульс –
одна звезда горит неярко

* * *

Стояла ночь – легла на землю мгла,
Из классиков сказал об этом кто-то,
Но жизнь переупрямить не смогла,
И шла вокруг подспудная работа.

Протянешь руку – не видать ни зги,
Куда плечо девалось, пальцы, локоть,
И кажется, что вышибло мозги, –
Но голову любому дам потрогать.

Ощупавший отметит: голова!
Как без него дела бы шли на свете?!
Он сохранил нам главное – слова,
А мгла растает – знают даже дети.

* жалость к себе (англ.).

И тот, кто пробудиться утром смог,
Одним из первых уж полощет зубы.
За что люблю я речи строй и слог,
За то и поцелую тебя в губы.

ПРОГУЛКА В ПАРКЕ

*Жаль тех, кто на чужбине
почил в урочный час*

Впечатаны лианы
в кору столетних лип.
Тропические страны
с обильем птиц и рыб

пасуют перед алым
российским снегирём.
Мы, с этим славным малым
век проживя, умрём

под шелест снежной рощи,
под щебет зимних птиц,
под лай дворняжек тощих
с повадками тигриц.

Протянет из-под снега
колючий лапник ель –
желанней нет ночлега
в пургу или метель.

Ведь лапником дорогу
мостят в последний путь.
С благодареньем Богу
в Своей Стране уснуть...

ЛОМБЕРНЫЙ СТОЛ

На сукне добротном предки
до утра играли в вист
Предкам нравились виньетки
перед предками я чист

На сукне зелёном мелом
предки ставили висты
Пятеро прибились к белым
трое к красным В монастырь

подалась сестра-красотка
И вставал на брата брат
Всей земли двенадцать соток
деду дали аккурат

Вот такая брат картина
маслом и от всей души
Мирно выросли два сына
у меня в лесной глуши

Разве что сыграют в карты
но по маленькой притом
И чистилище азарта –
ломберный раздвинут стол

«КРЕСТ И КРОВЬ»

О, выматывающая любовь,
Сострадающая, полная жалости
(не хватает последней малости),
И, сочувствуя вновь и вновь,
Соучаствуя и соболезнуя,
О, живая душа болезная,

В феерические мечты,
Как в трясины, тебя засасывает,
На седьмое небо забрасывает...
Как оттуда вернёшься ты?

Многим боком вышла эмпатия:
Взвод, – в штыки, есть такая партия, –
Коммунисты вперёд, вперёд
Под захлебывающийся пулемёт...
Поглядим ещё, чья возьмёт...

Жизнь – не бой, а, скорее, – ничья,
А любовь – байки для дурачья,
Для принцесс и юнцов-дуралеев
(кто-нибудь из двух бармалеев
на цепочку наденет крест).

Бог – не выдаст, свинья – не съест.
Нынче в замке – ведьмочек съезд.

Те, кто влип в плохую историю,
О, выматывающая любовь,
Сострадающая, полная горя,
«You’r my destiny»* слышат вновь.
О, заезженная пластиночка
С милым лейблом:
Крест и кровь.

* * *

«Доктора Живаго» напечатали
небольшим отрывком в «Огоньке».
Можно подчеркнуть «находки» тщательно,
а не схоронить на чердаке...

* «Ты – моя судьба» – из песни Биттлз.

На чердак запрятал дед «Историю»^{*}
с вычеркнутым: тов. Бухарин, тов.
Троцкий – видно в эту категорию
был и сам попасть всегда готов.

Тов. – вычёркивал, а вырезал – портреты,
если ночью с обыском придут, –
авторучки с бритвою ответы
на вопросы визитёров ждут...

В сорок первом подал «заявление»
и в «котёл» германский угодил...
В лагере дед выжил, тем не менее,
не последним ведь Освенцим был.

Не рассказывал ни о победе,
ни о майской Праге** внуку дед...
Так два слова скажет в коем веке,
будто бы молчанья дал обет?

Но в «пансионате»*** об Освенциме
(к удивленью!) начал вспоминать:
и о «цветниках»**** разбитых немцами,
и о том, что смог перестрадать.

Прочитав отрывок из «Живаго»,
о тебе я вспомнил, политрук,
жить непобедимую отвагу
шаг за шагом***** перенявший внук.

* «История гражданской войны в СССР».

** Пражское восстание в начале мая 1945 г., участником которого был мой бежавший из Освенцима дед – Николай Игнатъевич Цесельчук.

*** пансионат для престарелых большевиков.

**** на территории Освенцима немцы руками военнопленных разбивали клумбы.

***** дед просил толкнуть его в плечо, и, покачиваясь, шёл шаг за шагом.

ПИСЬМА В ЛАГЕРЬ ПОД ТАЙШЕТОМ

*Моему деду, узнику
«Освенцима» и ГУЛАГа*

Письма в Лагерь под Тайшетом*
Я читаю в это лето,
К деду от родни,
Письма тех, кого уж нет, –
Попадают рикошетом
В наши дни.

Нелегко далась Победа –
Не увижу больше деда,
Инвалид отец...
В партии восстановили
Деда – перегибы были
Кузницей сердец.

Чье-то сердце отковали,
Многих – поминай, как звали,
Где теперь они? –
Все в одном краю далёком,
Где конца не видно срокам,
Коротают дни.

Вот сестра вернулась с БАМа,
Годы строили упрямо
эту колею, –
завершает драму деда
наша Общая Победа, –
жаль, не побывал я
в том краю.

* послевоенная стройка, на которой руками заключённых продолжалось начатое ещё до войны строительство БАМа.

Письма бабушки поблёкли,
Будто побывали в пекле,
До того желты...
Несгибаемая вера
Создавали тебя, Эра
Праведной Мечты.

ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ДВА

моему деду, узнику Освенцима

С утра пораньше прибывали,
похоже, кровельную жечь...
А эшелоны прибывали.
– Раздеть для бани. После сжечь.

– Есть, – без малейших колебаний, –
раздеть для бани...

* * *

В четырёхметровую ограду,
Где лежат и бабушка, и дед,
Положу, отец, как просишь, рядом,
Хотя рядом места ещё нет.

Дед на фотографии – мальчишка,
Бабушка – куда как хороша.
У отца – глубокая одышка.
Постоим. Не трепещи, душа.

* * *

А в августе так зелены покосы
Наточат свои косы косари
И вжик да вжик Их пчёлы или осы
Ещё слепни подымут до зари

Отец и сын и внук – три поколенья
Как ни крути их не разъединить
А ос и пчёл сторожевое пенье
Затем чтоб жизни ссучивалась нить

* * *

*Всем изболев, не прожил бы и дня,
И лишь любовь – одна хранит меня
(концовка 66-го сонета У. Шекспира)*

Начинаются проводы лета, –
август вновь на костре догорит.
Память мучает строчка поэта
о любви, что прочней, чем гранит.

Будто мальчишки, что на качелях
приседают по очереди, –
день сменяется днём, а в неделях
только эти мгновенные дни.

Вот улыбка случайного друга
на качелях взлетит в небеса,
через миг, чуть живой от испуга,
к небесам прикасаешься сам.

Хорошо им в коротких штанишках,
Темечком упираясь в зенит,
Узнавать по глазам, а не в книжках
о любви, что прочней, чем гранит.

Утро зайчиком бронзовым водит
по губам, в шалаше из ресниц
солнце зыбкую шёлку находит.
Август, медник, ещё раз приснись

в неизбывном, как вечность, сюжете,
где любовь – лучше нас режиссёр.
Так досмотрим же ленту о лете,
что ещё не взошло на костёр.

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

На деревьях набухли гроздья дождя,
заколдованного в лёд.
– Папа, с дачей простись, –
позвонил старший сын, –
ветки сила нездешняя гнёт.
– Что же делать, сынок, за двоих помолись –
носишь ты на груди крест.
Я, когда бы умел, умолил жизнь
чуть продлить – многого не успел.
Даст Господь, и стряхнет эту тяжесть сад,
одолеет кристаллов жуть.
А весной будет каждый листочек рад
почку-бабочку враз раздуть.
И стократно помноженный общий щёлк,
скажем так, фазовый переход
вдруг случится, и кроны зеленый шёлк
заколышат в свой Новый Год.
Вот когда Он наступит, а зимним днём
веток гроздья качнёт метель...
С Новым Годом? – Но мало радости в нём
видят те же сосна и ель.
На иголках льдышки крупнее, чем
ледяные кулоны берёз.
Поздравлять мне вас не с чем, стою нем,

а в ладонях пригоршни слёз.
Но нельзя в ладонях сжать и согреть
этот заиндевевший лес.
Если б только он мог, хотя бы на треть,
груз свой сбросить и не умереть?
Никаких гарантий для чуда нет.
Будет ли Новый Год для них? –
Запишу, как умею, в Новый Завет,
вещий предновогодний стих...

* * *

всем, кто замерзал в Кунавне

Январь осилил со второй попытки
крещенские морозы А пурга
мела мела – от дома до калитки
дорожка вся в шурпе белым-бела

Нас голыми руками не задушишь
не заморозишь не заледенишь
и SOS не зазвучит по наши души
хотя сугробы встали как гранит

Зато когда нырнёшь краснее рака
из бани в снег колючий голышом
лизнет шершавым языком собака
а ты в ответ – ей сочинишь стишок

В дом пригласишь плеснёшь мясного супа
присядешь к телевизору вдвоём
никто из нас не дал сегодня дуба
даст Бог назло стихии не помрём

* * *

В роще стаяло все до листьев.
Только там, где застыла вода,
Снег свежее чуть и серебристей
Из-за тёмного тусклого льда.

Долотом долби эту воду –
Всё равно она, как гранит.
Будто подменили погоду,
Рощу выстудило и знобит.

Нет опасней для лыжников наста –
Лыжи стачивает, как ножом.
А вороны, горластая каста,
Над помойками прут на рожон,

Отгоняя бомжей от баков,
Что-то надсоновское бередя,
Хриплый реквием свой прокаркав
Торжеству ледяного дождя.

Вновь Зима. Опять перемена, –
Роща, белый накинёт мех,
Зааукает непременно,
Юных лыжниц заслыша смех.

* * *

За проходной – оранжерея,
Фонтан и яблоневый сад.
В нём, наливаясь, тяжелея
в июне, яблоки висят.

Без пропусков приходит Лето
и хороводит по цехам,
махорку сыплет из кисетов
и с рифмой тянется к стихам.

Я хаживал в цехах ЭНИМСа*
неоперившимся птенцом,
накладывало Лето грим свой –
загар и на моё лицо.

И по гудку спешил с завода
и хрумкал яблоко, кривясь,
и ощущал с моим народом
необъяснимую мне связь...

* * *

Чертовщина какая-то Осень прошла стороной
Зябли Перевозили мебель Сочиняли уют
А в это время ситничек сеялся над страной
Где гимн на музыку Глинки пока ещё не поют

Лежит жена как чужая Намаялась Механизм
Будильника отчеканивает каждого мига шаг
Ничто народ не спасает ни секс ни онанизм
И к очередям пулемётным прислушивается душа

Шабаш Намахались за день аж вывернулся пупок
И все до единого в каждом поясе часовом
Глядим в потолок и думаем: есть ли над нами Бог?
А если есть то ему с такими как мы какво?

* Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

*«...Купаюсь в море, много бываю на солнце,
чего-то ем и пью, отчего гармония и счастье.
Новости из РФ укрепляют в намерении
никогда не возвращаться, так же как
ни у одного нормального жителя деревни никогда
не возникнет желания покинуть мирную поляну
и войти в контакт с населяющей леса нечистой
силой. Будете пролетать мимо, заходите
в гости, буду рад».*

Из письма Бориса Пинскера. Израиль. 23.07.2012

1

Из глубины отчаянья на свет
Вдруг вынырнешь в земле обетованной
И ты поймёшь исхода лучше нет
Чем старость скоротать в земле желанной

Где если хочешь выучишь иврит
А не заладится – сгодится русский
Тут место есть для всех Антисемит
И тот заговорит тут по-французски

За то что злобным прозвищем «француз»
Он заклеивлял безвинного еврея
За схожесть профиля? Тут нос на вкус
Любой найдёшь Тут уды Гименя

Будто носы свисают не с небес ли?
Ничто не прорастёт Однако если

2

Ничто не прорастёт Однако если
К предмету сам не прилагаешь рук
А что понудить может? Уж не бес ли
Откуда-то вдруг вынырнет и сук

Подпилит угнездиться на котором
Ты счастлив был лишь полчаса назад
И называл что не по нраву вздором
В сук дюйм за дюймом вдавливая зад

И вдруг заверещал: адепты – суки
В мой ноутбук засунули свой нос
Отыщется ль такой кто на поруки
Мог взять меня а не послать донос

Как водится – семь бед один ответ:
Получишь из Израиля привет

3
Получишь из Израиля привет
Да собственно могли бы быть и Штаты
Вот Янкелевич с Женей тет-а-тет
Сойдясь в России не были б женаты

Американец с русской чтобы в ЗАГС
Сходить – вдвоём уехали на Кипр
Изволив там вступить в законный брак
В РФ я ненавижу этих игр

Бессмысленно-затейливый узор
Возможно что от них бежишь ты Боря
Пускай прибором твой полощет взор
Божественное ласковое море

Нет не сбежать ни бесу ни невесте
От Пинскера и угнездившись в кресле

4
От Пинскера и угнездившись в кресле
Все же ушла законная жена
Да не одна Я не из чувства мести
Всех извещаю Мог послать бы на

Тех кто в досье нос всовывает Другу
Добросердечно хочется помочь
Очередную мог найти супругу
Да где угодно Собственную дочь

Хоть старшую хоть младшую он спросит
И те ему ответят хором: пап
Хоть ходока порою и заносит
Но ты поладишь и с десятком баб

Я б плюсанул ещё: на склоне лет
Замыслив отписать ему ответ

5
Замыслив отписать ему ответ
Пришел я в замешательство отчасти
Хотя я сам уже и стар и сед
И был не у одной мамзель во власти

Что собственно я предлагаю Боре
Не покидать бездарное РФ?
Мог шапку-невидимку сжечь на воре
Лишь записной министр ну скажем Грэф

А остальным кусать экономиста
Такого ранга что имел Борис
Не по зубам А дело-то нечисто
Будь ты хоть клерк хотя бы и министр

Жизнь хоть разок не на глазок расчисли
То разные на ум приходят мысли

6
То разные на ум приходят мысли
А то одна сплошная чепуха
Не хочешь раком встать но только свистни
Твои добудут мигом потроха

Менты прошу экскьюз ми полицаи
(В ретроспективе всё-таки менты!)
Сидят в каптёрке словно порицая
Тебя что в обезьяннике уж ты

А взяли-то за что за литр водки
Загар лица чуть отрешённый взгляд
Когда ты из метро следя колготки
На юной деве вырваться был рад

С ней представляя свой суперменет
Но чтоб невозвращенцем стать? Уж нет

7

Но чтоб невозвращенцем стать? Уж нет
Такой нужды Вот разве только дети
А также внуки им держать ответ
Попав в расставленные ловко сети

Как некогда говаривал поэт
За всё что будет с нами быть в ответе
И хоть нет на их плечах драгунских эполет
Чсть драгоценнее всего на свете

Как средство тут не подойдёт дуэль
Да кто они такие дуэлянты
Им только бы устроить канитель
Растратив попусту свои таланты

Тут нужно привести в порядок мысли –
Добро и зло висят на коромысле

8

Добро и зло висят на коромысле
Покачиваясь словно два ведра
А два ведра в каком-то высшем смысле
Как талия – апофеоз бедра

Хотя бывает не у всех пупочки
Из-под коротких кофточек видны
Удачно вышли замуж обе дочки
У Пинскера и обе не бедны

Но знает кто что будет со страной
Когда у нас такие вот дела
За мужем каждая как за стеною
Вдруг сажа да окажется бела

И через край расплещется бедой
Как два ведра у девушки с водой

9

Как два ведра у девушки с водой
А в пионерском лагере стояла
С веслом богиня Дети чередой
К ней шли а после юрк под одеяла

Давали волю маленьким рукам
Мужали по часам подростков уды
А надо б объяснить им мудакам
Что генеталии не ундервуды

Трофейные и нужно меру знать
И не ходить по лагерю как тени
А лучше с коромысла вёдра снять
Перед богиней рухнуть на колени

А после с ней пройтись глухой аллеюйкой
Скользящей от колодца юркой змейкой

10

Скользящей от колодца юркой змейкой
Так бы и шёл за девушкой с веслом
Добро была бы вправду чародейкой
А так их всех отправила на слом

Другая конструктивная эпоха
Та что сдала в аренду лагеря
Дела шли поначалу и неплохо
«Как Запад стал богат» – ну говоря

В глаза как есть – отменнейшая книга
Таких ты перевёл чуть не с полста
А вот за все старанья вышла фига
Ладонь твоя как у Христа пуста

Я вёдра взял у девушки с водой
А ты навстречу Еве молодой

11
А ты навстречу Еве молодой
как будто в одночасье стал Адамом
И думаешь вас не разлить водой
Тем более портвейном и агдамом

Но алкоголь увы разъединяет
Хотя и прогоняет скуку он
Очаг семейный скука охраняет
Хотя грозят ему со всех сторон

Измена же или прелюбодейство
В цене в любой пребудут стороне
А чудо – в две цены: вот чародейство
С самим собой побыв наедине

Пройтись глухою бунинской аллеюйкой
желая познакомиться с еврейкой

12
Желая познакомиться с еврейкой
У нас в России их хоть отбавляй
Пускай тропинка вьётся узкой змейкой
Езжай по ней хотя бы в Шауляй

И встретишь там себе по нраву Еву
А не захочешь так в Друскининкай
Змей-искуситель припадая к древу
ждёт не дожждётся что покинет рай

Ещё одна но избранная пара
Адамом в этой паре будешь ты
И зазвенит трамвайная гитара
Увидеть тщась в двоих черты четы:

Со мной останься – жизнь тебе отдам
Как думаешь, ответит что, Адам?

13
Как думаешь, ответит что, Адам,
Оба ведра снимая с коромысла
И кто идёт за вами по следам
Свободу начисто лишая смысла

Не узнаешь? – Шагает бодро уд
Хотя и был он рядовой фигурой
Но подзадорить хахаля на блуд
Он может не была бы баба дурой

Похоже с ним найдёшь эквивалент
Утерянного за нехваткой смысла
Как иностранный втиснется агент –
Она положит наземь коромысло

Произнеся лишь для тебя Адам:
– Испей воды, а ведра не отдам!

14
– Испей воды, а ведра не отдам, –
Такого от неё хотел признанья
Уж лучше пить не водку а агдам
Её слова достойные дознанья

Тебе лишь одному я передам
Читатель нашей с Борей переписки
О злоключеньях нас и наших дам
И внуков у кого ещё пиписки

Не выросли как у больших парней
И те их теребят всюю без нужды
А ну пырни подругу побольней –
Такие рассуждения им чужды

Но вынырнут пройдёт немного лет
Из глубины отчаянья на свет

15
Из глубины отчаянья на свет
Ничто не прорастёт Однако если
Получишь из Израиля привет
От Пинскера и угнездившись в кресле

Замыслив отписать ему ответ
То разные на ум приходят мысли
Но чтоб невозвращенцем стать? Уж нет
Добро и зло висят на коромысле

Как два ведра у девушки с водой
Скользящей от колодца юркой змейкой
А ты навстречу Еве молодой
Желая познакомиться с еврейкой

Как думаешь, ответит что, Адам?
– Испей воды, а ведра не отдам!

23.07.12.Купавна

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

*Уже идёт июнь,
ещё все лето впереди...*

Бог с ним, с признанием, – были бы строки
те, за которые хоть на расстрел.
Неба покоится купол высокий,
как на плечах, в бескорыстии дел.

Лес обгорел по колено, но кроны
неопалимые сплошь зелены, –
Не пожалел бы на гадов патроны –
ушлых хапуг и бесстыдных проныр.

Всё бы застроить им до горизонта,
втридорога на торгах толкнуть.
– Выкуси накость, – скажу им без понта,
вот где сидит ваша подлая суть.

Тлеет торфяник. Чернеет боками
жутких стволов-головешек каскад.
Трактором вывернут, увалень-камень
рядом с берёзой пристроиться рад.

Трудно проехать на велосипеде
через пожарище в Полтевский храм.
Но через мытарства все же приедем,
батюшка выйдет из горницы к нам.

Жалко, что не побываем на службе.
Книгу подарим, любуясь на крест.
С осени мы с реставраторшей в дружбе
и прихожане нас знают окрест.

Договоримся о будущей встрече,
спросим, как проще проехать в Милет.
И, чтоб не встретить на просеке вечер,
в дом возвратимся на поздний обед.

И, причащаясь к дальней молитве,
дух укрепим, от дороги устав.
Дело продолжим своё – в этой битве
вложит Господь Слово в наши уста.

И понесём его братьям и сестрам –
с ним ты действительно непобедим.
Как та берёза, что в платье пёстром,
горький вдыхает Отечества дым.

АЛФАВИТНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

- А в августе так зелены покосы... 2000
А стихи – это лишь переводы. *Эссе* 2006
Адамов сад 2001
Африканские «шнурки» 2009
- Бабье лето. *Поэма* 2009
«Бурьян дремучий». *Эссе* 2002
Back in the USSR. *Эссе* 2002
- В Валуевском парке 2010
В Купавне – хоть куда. Но и в Тарусе... 2010
В один и то же день... 1988
В ожидании колбасы 2010
В роще стаяло все до листьев... 1999
В саду давно умолкли птицы... 2010
В тумане блуждают трамваи... 1979
В четырёхметровую ограду... 1989
Величальная В. В. Бережкову, поэту и барду 2011
Вихрь метёт невыносимый... 1996
Водный велосипед 2000
Вот балерина у станка – голубка 2000
Времена года 2009
Все знают, что Бродскому с Пушкиным... 2010
Встретив поэта 1981
Вторая подача. *Поэма* 2000
«Вынырнула рыбина, глотнула серебряного». *Эссе* 1993
- Гадкий утёнок 2000
глазу женщину с нежной кожей... 1991
Готовность номер два 1999
- Дала Лайма... 1979
Двое 1969
Дворник 2010
девчушки в брючках полосатых... 1989
День взятия Бастилии 2007
«Доктора Живаго» напечатали... 1987

* названия и первые строки стихотворений приведены без указания жанра.

Ест крыжовник Серёга Рыженко... 1989
Ещё не тепло 1982

Жар-цвет 1984

За проходной – оранжерея... 1971–2010
Заимка 2011
Здесь были римляне... 1991
Здравствуй новый, незнакомый... 2007
Зигзаги. *Воспоминания* 2002–2012
Zero 2010

И дым Отечества 2006
И утром и вечером в диком загуле... 2000
Инициативная группа. *Воспоминания* 2008–2012
Июньский диптих 1999

Как поживаешь дзэн-буддист... 1989
Калужское шоссе 2003
Качели 2009
Качаясь будто маятник... 1996
Кленовая ветка 2006
когда читает Ванханен... 2009
Крапивница 2009
«Крест и кровь» 2001

Love. Эссе 2002
Ледяной дождь 2010
Лито «Спектр». *Воспоминания* 2010–2012
Литстудия. *Воспоминания* 2012
Лия Владимирова, она же Юлия Дубровкина. *Воспоминания* 2010–2012
Ломберный стол 2011

Маята 2011
месяца светел рог... 2011
Модест 2007
Может ли у гусеницы быть муж? *Воспоминания* 2002
Монолог донны Анны 2008
Музей восковых фигур 2012

На троих 2000

Над Ликовой или санаторий Валуево 2010
Начинаются проводы лета... 2000
Наяда 2011
Невозвращенец. *Поэма* 2012
Недотыкомка или мелкий бес 2000
Ни на шаг не замедлить лета... 2006
«Нинаглядная» 2011

Операция по «переселению души». *Диалоги* 1981-1985
О мистике чисел 2007
О чём печалишься, Нино... 1996

Private life 2010
Памяти полковника Горохова 2004
Перевод, переложение, сотворчество. *Диалог* 1981
Перепелята 2011
Пикник на обочине 2002
Письма в Лагерь под Тайшетом 1984
По следу академика Сахарова. *Воспоминания* 2010
Погожий денёк 2009
Пончо 2000
Последнее танго в Париже 2000
Поэзия парадокса. *Диалог* 1985
Поэта Блажеевского Евгения... 1999
Поэтическое общество «Кленовый лист». *Воспоминания* 2010
Прогулка в парке 2010

Рождественская эпистола. *Поэма* 2002
Рябой прибор необорим и мелок... 1993

Свечи горят. Столики в ряд... 1991
Сентиментальное 1983
Сморчки 1988
Союз литераторов России. *Воспоминания* 2012
Стояла ночь – легла на землю мгла... 2007
Стоят красавицы девки... 1988
Self-pity 2012

«Так было бы длиннее...». *Эссе* 2006
Тумбочка 2004
Ты выбилась... 1999

У. Е. 2006

Урок литературы 2011-2012

Урок соловьиного пенья 2009

Фан-Фан Тюльпан 2004

Физик или лирик? *Воспоминания* 2012

Фото с озера Рица 1989

Халат расстёгнут медсестры... 1990

Хочу быть Марусей... 2000

Чертовщина какая-то Осень прошла стороной... 2000

Шаронов из Книги Гиннеса 2007

Эскудо 2001

Я – не Мюллер я – Глен Миллер... 2003

Я слышу как плещется рыба в реке... 2010

Январь осилил со второй попытки... 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений В. Харитонов. Заметки карандашом на полях</i>	5
PRIVATE LIFE	
Я слышу как плещется рыба в реке... ..	8
Дворник	8
Заимка	9
Private life	11
Урок литературы	11
Зигзаги	12
Физик или лирик?	12
Поэтическое общество «Кленовый лист»	12
Лито «Спектр»	13
Лия Владимировна, она же Юлия Дубровкина	15
Инициативная группа	16
По следу академика Сахарова	17
Литстудия	20
Союз литераторов России	21
Здесь были римляне... ..	22
Все знают, что Бродскому с Пушкиным... ..	22
Музей восковых фигур	23
«Так было бы длиннее...»	24
Ещё не тепло	28
А стихи – это лишь переводы	29
«Вынырнула рыбина, глотнула серебряного»	31
Памяти полковника Горохова	34
Сентиментальное	35
Операция по «переселению души»	36
Поэзия парадокса	36
Перевод, переложение, сотворчество	39
Встретив поэта	41
Поэта Блажеевского Евгения... ..	41
Свечи горят. Столики в ряд	42
Ест крыжовник Серёга Рыженко... ..	42
Шаронов из Книги Гиннеса	43
В ожидании колбасы	44
Величальная В. В. Бережкову, поэту и барду	45
Времена года	45
Вот балерина у станка – голубка... ..	46
Back in the USSR	47
<i>Может ли у гусеницы быть муж?</i>	47
<i>Lover</i>	48
«Бурьян дремучий»	49
когда читает Ванханен... ..	51

Ты выбилась...	51
Рождественская эпистола	52

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА? – ОСЕНЬ

Жар-цвет	56
Месяца светел рог	56
Здравствуй новый, незнакомый	59
Zero	60
Водный велосипед	61
День взятия Бастилии	63
О мистике чисел	64
Хочу быть Марусей	65
Калужское шоссе	65
Африканские «шнурки»	67
Перепелята	68
Ни на шаг не замедлить лета	69
Адамов сад	70
На троих	71
Эскудо	73
Крапивница	74
В саду давно умолкли птицы	75
Июньский диптих	76
Качели	77
Кленовая ветка	78
О чём печалишься, Нино	80
«Нинаглядная»	80
У. Е.	81
Я – не Мюллер я – Глен Миллер	82
Гадкий утенок	83
Погожий денёк	85
Урок соловьиного пенья 2009	87
Бабье лето 2009	88
В Купавне – хоть куда. Но и в Тарусе	93
Наяда	94
Маята	95

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬДОГ

Фан-Фан Тюльпан	98
Двое	98
Монолог донны Анны	99
Последнее танго в Париже	100
И утром и вечером в диком загале	101
Стоят красавицы девки	102

глажу женщину с нежной кожей.....	102
девчущки в брючках полосатых.....	103
Дала Лайма.....	103
Халат расстегнут медсестры.....	103
Качаясь будто маятник.....	104
Фото с озера Рица.....	104
Как поживаешь дзэн-буддист.....	105
Рябой прибор необорим и мелок.....	105
Сморчки.....	106
Вихрь метёт невыносимый.....	106
Пикник на обочине.....	107
Модест.....	108
Пончо.....	109
В один и то же день.....	109
истеричку ущипнул за попку.....	110
Тумбочка.....	111
Вторая подача.....	112

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

В тумане блуждают трамваи.....	116
Над Лико'вой или санаторий Валуево.....	116
В Валуевском парке.....	117
Недотыкомка или мелкий бес.....	118
Self-pity.....	119
Стояла ночь – легла на землю мгла.....	119
Прогулка в парке.....	120
Ломберный стол.....	121
«Крест и кровь».....	121
«Доктора Живаго» напечатали.....	122
Письма в лагерь под Тайшетом.....	124
Готовность номер два.....	125
В четырёхметровую ограду.....	125
А в августе так зелены прокосы.....	126
Начинаются проводы лета.....	126
Ледяной дождь.....	127
Январь осилил со второй попытки.....	128
В роще стаяло всё до листьев.....	129
За проходной – оранжерея.....	129
Чертовщина какая-то Осень прошла стороной.....	130
Невозвращенец.....	131
И дым Отечества.....	139
Алфавитно-хронологический указатель произведений.....	141

Дмитрий Юрьевич Цесельчук
В РАЙ КАК ПРЕЖДЕ ОТКРЫТА КАЛИТКА...

Составитель Нина Давыдова

Серия “Поэтоград”

Книга первая

Редактор — *Евгений Степанов*

Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*

Обложка — *Марина Кива, Валерий Ковалевский*

Корректурa авторская

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 200 экземпляров

Сдано в набор 19.08.2012

Подписано в печать 07.09.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»

109378, г. Москва, Есенинский бульвар,

д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Типография ИПК «Квадрат»,

Белгородская обл., г. Старый Оскол,

проспект Комсомольский, 73.